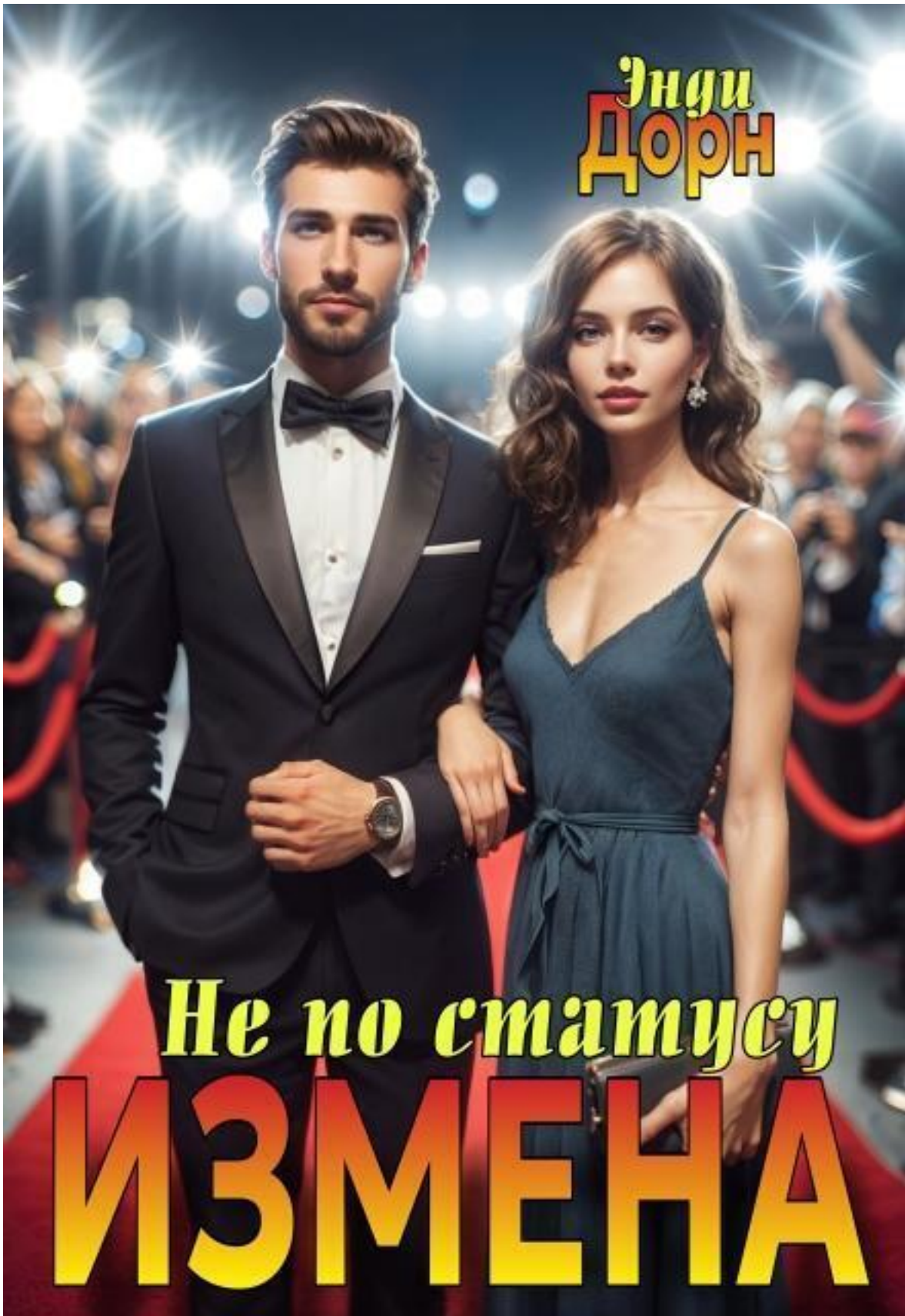

A man and a woman are standing on a red carpet at night. The man is wearing a black tuxedo with a white shirt and a black bow tie. He has short brown hair and a light beard. The woman is wearing a dark blue, sleeveless, V-neck dress with a thin belt. She has long, wavy brown hair and is wearing large earrings. They are both looking towards the camera. In the background, there are bright camera flashes and a crowd of people.

Энди
Дорн

Не по статусу
ИЗМЕНА

Энди Дорн

Измена. Не по статусу

«Литнет»

2025

Дорн Э.

Измена. Не по статусу / Э. Дорн — «Литнет», 2025

Любовь, предательство и мучительный выбор. Сергей и Лиза - две половинки, которые, казалось, были созданы друг для друга. Но ослепленный блеском славы, он теряет ее. Боль измены ранит Лизу. Это история о том, как легко разрушить счастье и как трудно его собрать из осколков. Кто обретет любовь, а кто останется в одиночестве, расплачиваясь за свои ошибки?

© Дорн Э., 2025

© Литнет, 2025

Содержание

Пролог	5
Глава 1	8
Глава 2	11
Глава 3	14
Глава 4	17
Глава 5	20
Глава 6	24
Глава 7	27
Глава 8	30
Глава 9	33
Глава 10	36
Глава 11	39
Глава 12	42
Глава 13	45
Глава 14	48
Глава 15	50
Глава 16	53
Глава 17	55
Глава 18	57
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Пролог

Я стою в коридоре родильного отделения, и тишина звенит в ушах после двенадцатичасовой смены. Дежурство выдалось тяжелым: две экстренных операции, одни преждевременные роды, крики, слезы, и в конце концов – долгожданный плач новорожденного, который каждый раз заставляет забыть обо всем на свете. Именно за эти моменты я и люблю свою работу.

Халат липнет к спине от усталости, ноги гудят, а в голове пульсирует тупая боль от недосыпа. Достая телефон – три пропущенных от Сергея. Наверное, хочет рассказать о новом ресторане, который планирует открыть весной. Я улыбаюсь уголками губ. Мой муж всегда так возбуждается, когда у него появляются новые идеи. Сейчас доберусь до дома, заварю нам чай и буду слушать его планы до глубокой ночи, кивая и задавая вопросы. Это наши лучшие моменты – когда он делится со мной мечтами, а весь мир сужается до кухни нашей квартиры и его горящих глаз.

– Извините, вы Лиза Белова?

Я поднимаю голову от телефона. Передо мной стоит женщина, и она невероятно красива. Не просто красива – она совершенна, словно сошла с обложки глянцевого журнала. Пальто на ней стоит, наверное, как моя месячная зарплата – кашемировое, сливочного цвета, идеально скроенное по фигуре. Воротник отделан мехом, который мягко обрамляет точеное лицо с высокими скулами. Волосы уложены в безупречные волны цвета платины, а макияж выполнен так мастерски, что кажется естественным, хотя я, как женщина, понимаю, что на это ушло не меньше часа. Губы идеального розового оттенка растянуты в улыбке, но глаза остаются холодными, как серый мрамор.

Сумочка от известного бренда небрежно висит на изгибе локтя, а на запястье поблескивают часы, которые я видела в витрине ювелирного магазина. Цена на них заставила меня тогда сглотнуть и быстро отвести взгляд. Даже ее парфюм стоит в воздухе дорогим облаком – это что-то французское, сложное, с нотками, которые я даже не могу определить.

Я инстинктивно поправляю свой растрепавшийся хвост и прячу руки в карманы халата. Рядом с этой женщиной я чувствую себя серой мышкой – усталой, измученной, в мятом халате, от которого пахнет больницей.

– Да, это я, – отвечаю, стараясь не выдать растерянности. – А вы...?

– Юля. – Она протягивает руку в кожаной перчатке, и я машинально жму ее. – Юля Морозова. Я работаю с вашим мужем.

Сердце делает странный скачок. Работает с Сергеем? Он никогда не упоминал никакую Юлю. Хотя... в последние месяцы он вообще мало рассказывает о работе. Говорит, что хочет оставлять дела в ресторане, не тащить их домой.

– Понятно, – говорю я, хотя ничего не понимаю. – А что... В чем дело?

Юля окидывает меня взглядом с ног до головы, и я чувствую себя как под микроскопом. Ее улыбка становится еще шире, но от этого почему-то еще более холодной.

– Мне нужно с вами поговорить. – Она делает паузу, словно смакуя момент. – О Сергее.

Что-то внутри меня сжимается в тугий узел. В ее голосе есть что-то такое... интимное. Как будто она произносит не имя моего мужа, а что-то, что принадлежит ей.

– Слушаю, – выдавливаю я, хотя голос звучит чужим.

Юля медленно снимает перчатку с левой руки, и я вижу безупречный маникюр – длинные ногти цвета нюд с французским кончиком. Она подносит руку к животу, и только сейчас я замечаю едва заметную округлость под дорогим пальто.

– Я беременна, – произносит она, не сводя с меня глаз. – От Сергея.

Мир останавливается. Просто замирает, как кадр в фильме. Я слышу только стук собственного сердца и далекий шум вентиляции. Слова не доходят до сознания сразу, они словно повисают в воздухе, и мне требуется несколько секунд, чтобы понять их смысл.

– Что? – шепчу я, и голос дрожит.

– Я беременна от вашего мужа, – повторяет Юля, и в ее голосе появляются металлические нотки. – Уже третий месяц. Решила, что вы должны знать, поскольку Сережа все никак не решится вам сказать. – Она произносит это так небрежно, словно сообщает прогноз погоды.

У меня подгибаются колени. Я хватаюсь за стену, чтобы не упасть. Третий месяц. Три месяца он дарил мне цветы просто так, говорил, как сильно меня любит. Все эти три месяца он целовал меня на прощание каждое утро и писал милые сообщения в течение дня.

– Это... это неправда, – бормочу я, отрицательно качая головой. – Сережа бы никогда...

– Сергей уже знает, – перебивает меня Юля, и ее улыбка становится почти хищной. – Я рассказала ему еще неделю назад. Он был в шоке, конечно, но потом... ну, что поделать. Случается.

Неделю назад. Вот почему он был таким странным, рассеянным. Вот почему отмалчивался за ужином и уходил в душ с телефоном. Я думала, у него проблемы с рестораном, переживала, пыталась поддержать. А он...

– Вы лжете, – говорю я, но слова звучат неубедительно даже для меня самой.

Юля достает из сумочки телефон в золотистом чехле и протягивает мне. На экране УЗИ. Черно-белое изображение, на котором я, благодаря своей профессии, легко различаю контуры плода. Три месяца, не меньше.

– Хотите номер телефона клиники? – насмешливо спрашивает она. – Или фотографии нашего романтического ужина в ресторане на Патриарших? А может видео наших страстных ночей? У меня их целая коллекция.

Ноги окончательно перестают меня держать. Я сползаю по стене и сажусь прямо на холодный кафельный пол. Юля смотрит на меня сверху вниз, и в ее взгляде нет ни капли сочувствия.

– Не принимайте так близко к сердцу, дорогая, – говорит она, и в ее голосе появляются издевательские нотки. – Просто вы никогда не были ему парой. Весь интернет об этом говорил после Парижа, помните?

Я молчу, обхватив голову руками. У меня просто нет слов.

– Видите? – Юля наклоняется ко мне, и ее дорогой парфюм становится удушающим. – Вы и сами понимали, что не подходите ему. Такому успешному, талантливому, красивому мужчине нужна соответствующая спутница жизни. А не... – Она окидывает меня презрительным взглядом. – Ну, вы понимаете.

Я сижу на холодном полу больничного коридора в мятом халате, с растрепанными волосами, а передо мной стоит эта идеальная женщина в дорогом пальто и рассказывает мне о том, как спит с моим мужем. Как носит от него ребенка. Как Сергей уже знает об этом уже неделю и молчит.

– Ну ладно, я побежала, – говорит Юля, натягивая перчатку обратно. – У нас с Сергеем встреча. Нужно обсудить некоторые... практические вопросы. Вы же понимаете – ребенок, будущее и все такое.

Она разворачивается, и ее каблуки цокают по кафельному полу, удаляясь. Звук эхом отражается от стен пустого коридора, становится все тише и тише, пока не растворяется совсем.

Я остаюсь одна.

Сижу на полу в коридоре родильного отделения, где сегодня помогала появиться на свет трем новым жизням, и чувствую, как моя собственная жизнь рассыпается на куски. Как все, во что я верила, все, на чем строила свое счастье, оказывается ложью.

В кармане вибрирует телефон. Сообщение от Сергея: "Дорогая, задерживаюсь на работе. Не жди с ужином. Люблю".

Люблю.

Я смотрю на эти буквы на экране, и они кажутся мне насмешкой. Три месяца он встречается с другой женщиной. Три месяца живет двойной жизнью. Три месяца каждый день говорит мне, что любит, целует на ночь, строит планы на будущее.

А у него уже есть другое будущее. С Юлей и их ребенком.

Я сижу на холодном полу и не могу заставить себя встать. Потому что встать – это означает идти дальше. Возвращаться домой, куда придет муж с его ложью. Открывать дверь квартиры, которая больше не кажется уютным гнездышком, а превратилась в декорацию спектакля, в котором я играла роль счастливой жены, сама того не зная.

Воспоминания начинают всплывать в памяти...

Глава 1

Воспоминания накрывают меня волной, и я снова в том дворе, где прошло мое детство. Обычная московская пятиэтажка семидесятых годов постройки – серая, с облупившейся краской на подъездах и вечно открытой дверью. Наш двор был целым миром: детская площадка с покосившимися качелями, песочница, в которой всегда копались малыши, лавочки у подъездов, где по вечерам собирались бабушки.

И Сережа. Всегда Сережа.

Он жил в соседнем подъезде, квартира 23, первый этаж. Я помню каждую деталь того места: как скрипела входная дверь, как пахло борщом на лестничной площадке, как его мама, тетя Светлана, всегда встречала меня с улыбкой и предлагала чай с печеньем. Двухкомнатная квартира казалась мне такой уютной – не как наша, где мама постоянно делала замечания и требовала идеального порядка.

Мы познакомились, когда нам было по семь. Я сидела на лавочке с книжкой – даже тогда предпочитала чтение шумным играм – когда мяч покотился прямо к моим ногам. Сережа подбежал за ним, запыхавшийся, с растрепанными темными волосами и сияющими голубыми глазами.

– Извини, – сказал он, поднимая мяч. – Ты новенькая?

– Нет, – ответила я тихо. – Просто не хожу гулять.

– Почему? – он присел рядом на корточки, искренне заинтересованный.

– Книжки интереснее.

Он посмотрел на обложку – "Алиса в Стране чудес" – и кивнул с серьезным видом взрослого.

– А расскажешь мне? Я не очень хорошо читаю.

Так началась наша дружба. Я рассказывала ему книжки, а он защищал меня от дворовых хулиганов и всегда делился мороженым. Даже тогда, в семь лет, рядом с ним я чувствовала себя особенной.

А потом была школа. Обычная районная школа номер 127, три этажа красного кирпича, спортзал с покосившимися кольцами и актовый зал, где пахло пылью и старыми шторами. Мы ходили туда каждое утро вместе – я с портфелем, набитым учебниками до отказа, он с рюкзаком, в котором помимо тетрадей всегда лежало что-то съестное.

Наш класс был на втором этаже, кабинет 204. Парты старые, исцарапанные, с откидывающимися крышками, которые громко хлопали. Мария Ивановна, наша первая учительница, всегда ставила меня в пример: "Вот посмотрите на Лизу – у нее самые красивые тетрадки, самые правильные ответы". А Сережа сидел через проход от меня и корчил смешные рожицы, когда она хвалила меня, чтобы я не зазнавалась.

Я была отличницей с первого класса. Не потому что мне легко давались знания – я просто готова была учиться по двенадцать часов в день, лишь бы увидеть довольную улыбку мамы. Химия, физика, математика – все давалось мне хорошо, но больше всего я любила биологию. Когда в девятом классе нам показали фильм о том, как рождается ребенок, все девочки хихикали и отворачивались, а я смотрела, затаив дыхание. Это было чудо. Самое настоящее чудо – как из двух клеток появляется человек.

– Лизонька, ты будешь врачом, – говорила мама, глядя мои дневники с пятерками. – У тебя золотые руки и светлая голова. Поступишь в медицинский, станешь хирургом. Будешь спасать людей.

Я кивала и мечтала. Представляла себя в белом халате, серьезной и важной, помогающей людям. Поступление в медицинский институт казалось естественным, единственно правиль-

ным путем. Я изо всех сил готовилась к экзаменам – вставала в шесть утра, учила до позднего вечера, записывалась на дополнительные курсы.

А Сережа... Сережа был обычным парнем из обычной семьи. Учился на тройки с четверками, особо не напрягаясь. Зато умел делать то, что не умел никто в нашем классе – готовить.

Помню, как в седьмом классе он принес на день рождения учительницы торт, который испек сам. Все думали, что это шутка, но когда попробовали... Это было что-то невероятное. Нежное, воздушное, с кремом, который таял во рту. Учительница даже всплакнула от умиления.

– Сережка, да ты у нас настоящий повар! – говорили одноклассники.

А он смущался и краснел:

– Да ладно, ерунда какая.

Но я видела, как сияют его глаза, когда хвалят его стряпню. Видела, как он запоминает каждую реакцию, каждый отзыв.

В старших классах, когда все начали думать о будущем, Сережа робко признался, что хочет быть поваром. Реакция была предсказуемой.

– Поваром? – фыркнул Димка Петров, местный умник. – Это же не профессия для мужика! Будешь в фартучке щи варить!

– Повар – это не серьезно, – говорили учителя. – Подумай о чем-то более... перспективном. Экономист, например. Или программист.

Даже его мама, добрая тетя Света, вздыхала:

– Сережа, сынок, это же тяжело – на кухне горячо, работа грязная. Ты же умный мальчик, мог бы чего-то добиться.

Но я видела, как он готовит у себя на кухне в той двухкомнатной квартире на первом этаже. Как осторожно нарезает овощи, как пробует на вкус, морща лоб в сосредоточении. Как преображается его лицо, когда получается что-то особенно удачное.

А еще я помню, как он готовил для меня.

Первый раз это случилось в десятом классе, когда я заболела гриппом и неделю не ходила в школу. Мама была в командировке, я сидела дома одна, с температурой, питаюсь чаем и сухарями. И вдруг пришел Сережа с кастрюлькой горячего куриного бульона.

– Тетя Света говорит, это лучше всяких лекарств, – сказал он, смущенно переминаясь в дверях.

Я попробовала – и это был самый вкусный бульон в моей жизни. Наваристый, золотистый, с тонкими кружочками моркови и зеленью. Он согревал не только желудок, но и душу.

– Сережа, это невероятно, – прошептала я. – Ты... у тебя талант.

Он покраснел до корней волос:

– Да брось ты, Лизка. Обычный бульон.

Но с того дня он частенько приносил мне что-то домашнее. То котлеты, которые таяли во рту, то картошку, запеченную с травами, то пирожки с яблоками, от которых пахло корицей и домашним уютом. И каждый раз говорил одно и то же:

– Лиз, ты – мой главный критик. Если тебе нравится, значит, я все делаю правильно.

А мне нравилось все. Абсолютно все. Не только потому, что было вкусно – хотя было невероятно вкусно – но и потому, что в каждом блюде я чувствовала его заботу. Его любовь, которую он не умел выразить словами, но которую вкладывал в каждую ложку, в каждый кусочек.

И постепенно, к одиннадцатому классу, что-то между нами изменилось. Мы больше не были просто лучшими друзьями. Когда он брал меня за руку, сердце начинало биться чаще. Когда смеялся над моими шутками, внутри разливалось тепло. Когда смотрел на меня своими голубыми глазами, я забывала обо всем на свете.

Но мы оба молчали. Боялись разрушить то прекрасное, что у нас было.

А потом была та школьная дискотека в актовом зале. Май, конец одиннадцатого класса, прощальный вечер. Зал украсили шарами и гирляндами, диджей крутил популярные хиты, все танцевали и веселились. Я стояла в углу в своем лучшем платье – простом синем сарафане, который мама купила на рынке, – и смотрела, как одноклассники кружатся в танце.

И вдруг Сережа подошел ко мне. Взволнованный, красивый в белой рубашке, которую явно выгладила тетя Света.

– Лиза, – сказал он, протягивая руку. – Потанцуешь со мной?

Сердце едва не выпрыгнуло из груди. Я кивнула, не в силах произнести ни слова, и взяла его руку. Мы вышли на середину зала под медленную песню – не помню какую, но помню, что она была прекрасной. Он обнял меня за талию, я положила руки ему на плечи, и мы медленно покачивались в такт музыке.

– Лизка, – прошептал он мне на ухо, – я... я давно хотел тебе сказать...

Но тут музыка закончилась, и он не договорил. Мы стояли, глядя друг другу в глаза, а вокруг уже начинался быстрый танец, и нас растолкали другие пары.

После дискотеки он проводил меня домой. Мы шли по пустым вечерним улицам, и между нами висела какая-то особенная, почти электрическая тишина. И вдруг начался дождь. Сначала легкий, потом все сильнее и сильнее.

– Быстрее! – закричал Сережа, хватая меня за руку.

Мы побежали к ближайшему подъезду и забились в дверной проем, мокрые, смеющиеся, запыхавшиеся. Мои волосы растрепались и прилипли к лицу, платье намокло и стало совсем невзрачным. Но когда я подняла глаза, Сережа смотрел на меня так, словно я была самой красивой девочкой на свете.

– Лиза, – тихо сказал он, поправляя мне прядь волос, – я люблю тебя. Давно уже. С самого детства, наверное.

И он поцеловал меня. Осторожно, нежно. Первый поцелуй под дождем, в дверном проеме чужого подъезда, с капельками воды на ресницах и вкусом счастья на губах.

– Я тоже тебя люблю, – прошептала я, когда мы наконец оторвались друг от друга.

И это была правда. Самая чистая, самая искренняя правда в моей жизни.

– Будем вместе навсегда? – спросил он, обнимая меня крепче.

– Навсегда, – кивнула я.

Мы стояли под дождем и строили планы. Я поступлю в медицинский, он пойдет учиться на повара – несмотря на все насмешки и непонимание. Мы поженимся, как только получим образование. У нас будет семья, дети, собака. Мы будем счастливы.

Тогда все казалось таким простым и ясным. Но уже через месяц, когда пришло время подавать документы, реальность врезалась в наши мечты как ледяная стена.

Глава 2

Двенадцать лет назад

– Лиза, ты что, с ума сошла? – мама смотрит на меня так, словно я объявляю, что хочу стать цирковой акробаткой. – В медучилище? У нас в городе? Ты же отличница! Ты можешь поступить в любой институт Москвы!

Мы сидим на кухне нашей трехкомнатной квартиры, и мама нервно курит у открытого окна. Передо мной лежат два комплекта документов: один для подачи в Московский медицинский институт, другой для местного медучилища.

– Мам, но я не хочу уезжать, – говорю я, чувствуя, как внутри все сжимается от отчаяния. – Понимаешь, у меня тут... у нас с Сережей...

– Сережей! – мама резко поворачивается ко мне, и сигарета дрожит в ее пальцах. – Лизонька, миленькая, ты же умная девочка. Неужели не понимаешь? Ты губишь свое будущее ради мальчишки, который даже толком не знает, чего хочет от жизни!

– Он знает! Он хочет быть поваром, и у него талант, мам. Если бы ты видела, как он готовит...

– Поваром! – мама всплескивает руками. – Господи, очнись! Это же никому не нужная профессия! Будет всю жизнь в подвале какой-нибудь столовой возиться, получать копейки. А ты... ты можешь стать врачом, настоящим врачом! Спасать людей, делать карьеру, иметь уважение в обществе!

Я молчу, сжимая в руках паспорт. Внутри идет настоящая война. Часть меня понимает, что мама права: медицинский институт даст мне гораздо больше возможностей. Но другая часть, большая и сильная, кричит: "Не могу без него! Не хочу жить в другом городе, учиться пять лет, видеть его только на каникулах!"

Вечером я встречаюсь с Сережей в нашем дворе. Он сидит на той же лавочке, где мы познакомились, и в руках у него букетик ромашек с соседней клумбы.

– Для моей будущей докторши, – улыбается он, протягивая цветы.

Я беру ромашки, и внутри что-то переворачивается. Будущей докторши. А что, если мама права? Что, если я действительно совершаю глупость?

– Сережа, – говорю тихо, – а что, если мне все-таки поступить в институт? В Москву?

Улыбка медленно сползает с его лица.

– Как это? – спрашивает он. – Мы же договариваемся. Ты в медучилище, я в кулинарный колледж. Будем вместе.

– Но подумай сам, ведь институт дает гораздо больше возможностей. Я смогу стать настоящим врачом, не просто медсестрой...

– То есть медсестра – это не настоящая профессия? – в его голосе появляются обиженные нотки.

– Нет, не так! Просто... – я ищу слова. – Просто я могла бы большего добиться.

Он молчит долго, смотрит на свои руки.

– Понятно, – наконец говорит. – Значит, карьера важнее нас.

– Сережа, ну почему ты так? Пять лет пролетят быстро...

– Пять лет? – он поднимает на меня глаза. – Лиз, а ты думаешь о том, что будет со мной эти пять лет? Я буду учиться здесь один, работать один, жить один. А ты там, в Москве, среди умных красивых студентов...

– Я не изменюсь! Я буду любить только тебя!

– Сейчас ты так думаешь. А потом... там же будут парни гораздо интереснее меня. Будущие врачи, а не какой-то повар из провинции.

В его словах столько боли и неуверенности в себе, что сердце разрывается.

– Не говори так, – шепчу я. – Ты самый лучший. Самый талантливый. И я никого не смогу полюбить, кроме тебя.

Он обнимает меня крепко-крепко, и мы сидим так, прижавшись друг к другу, а внутри меня идет настоящий ураган.

Следующие два дня я мечусь как загнанная. Мама каждые полчаса напоминает о сроках подачи документов. Подруги наперебой дают советы.

– Лизка, ты что, дура? – говорит Катька Волкова, которая сама поступает на экономический. – Из-за пацана карьеру рушить? Да он и сам через год забудет тебя! Посмотри на мою сестру – тоже была влюблена в школе по уши, а теперь замуж за другого выходит.

– Не слушай ее, – шепчет Настя Петрова. – Любовь – это главное в жизни. Без нее все остальное не имеет смысла.

Но больше всего меня добивают разговоры в учительской, которые я случайно подслушиваю, когда прихожу за справкой.

– Белова решила в медучилище поступать, – говорит завуч. – Жалко девочку. Такая способная, может в институт попасть легко.

– Да это все из-за мальчика, – отвечает наша классная. – Совсем голову потеряла. Говорила с ней, бесполезно. Не хочет расставаться с ним.

– Эх, молодежь. Думают, что любовь на всю жизнь. А потом плачут.

– Ну, ничего, – вздыхает завуч. – Медсестры тоже нужны. Хотя не врач, но все-таки медицина.

Я стою за дверью и чувствую, как щеки пылают от стыда и злости. "Жалко девочку". "Голову теряет". "Хоть не врач". Их слова больно ранят, но упрямство внутри пересиливает.

Нет. Я не брошу Сережу. Не предам нашу любовь ради чужого одобрения.

Тем же вечером я прихожу к нему домой. Тетя Света встречает меня на пороге с тревожным лицом.

– Лизонька, заходи. Сережа на кухне, что-то колдует. Мрачный такой ходит, ни с кем не разговаривает.

Я прохожу в их маленькую кухню, где пахнет чем-то невероятно вкусным. Сережа стоит у плиты спиной ко мне, помешивая что-то в сковородке. Плечи напряжены, в каждом движении чувствуется подавленная злость.

– Привет, – говорю тихо.

Он не оборачивается.

– Решила? – спрашивает сухо.

– Да, – отвечаю, и голос дрожит. – Остаюсь. Подаю документы в медучилище.

Сережа замирает. Ложка повисает в воздухе. Потом он медленно поворачивается ко мне, и на лице недоверие.

– Правда? – шепчет он.

– Правда, – киваю я. – Не могу без тебя, Сережа. Никуда не поеду.

Он бросается ко мне, подхватывает на руки и кружит по маленькой кухне. На плите что-то шипит и брызжет, но ему все равно.

– Лизка, моя дорогая, – приговаривает он, покрывая лицо поцелуями. – Я так боялся... так боялся тебя потерять...

– Никогда меня не потеряешь, – обещаю я, обнимая его за шею. – Мы же навсегда, помнишь?

– Навсегда, – повторяет он, и в глазах снова появляется тот мальчишеский восторг, который я так люблю.

Но от маминой реакции мне хочется провалиться сквозь землю.

– Ты что наделала? – кричит она, размахивая справкой из медучилища. – Лиза, ты понимаешь, что перечеркиваешь свое будущее? Ради кого? Ради мальчишки, который через пару лет найдет себе кого-то помоложе и покрасивее!

– Мама, не смей так говорить о Сереже! – кричу я в ответ. – Ты его даже не знаешь толком!

– Знаю! – мама швыряет справку на стол. – Знаю таких! Красивые, обаятельные, а в голове ветер! И ты из-за него...

Она плачет. Моя сильная, уверенная мама плачет, и это страшнее всех криков.

– Мапочка, – подхожу я к ней, обнимаю за плечи. – Не плачь, пожалуйста. Я буду хорошо учиться, стану отличной медсестрой. А Сережа... он не бросит меня. Он любит.

– Дай-то бог, – всхлипывает мама. – Дай-то бог, чтобы ты была права.

И мы вместе поступаем: я в медучилище, Сережа в кулинарный колледж. Учебные заведения находятся в разных концах города, программы совершенно не совпадают, но мы счастливы просто оттого, что остаемся в одном городе.

Первые месяцы все идет хорошо. Я с головой погружаюсь в изучение анатомии, физиологии, основ сестринского дела. Оказывается, быть медсестрой – это не просто ставить уколы и измерять давление. Это огромная ответственность, знания, умение принимать решения в критических ситуациях.

Сережа тоже увлеченно изучает технологию приготовления блюд, товароведение, организацию общественного питания. По вечерам мы встречаемся и захлеб рассказываем друг другу о том, что узнали нового.

– Лиз, а ты знаешь, что существует больше пятидесяти способов нарезки овощей? – горящими глазами рассказывает он. – И от способа нарезки зависит не только внешний вид блюда, но и вкус!

– А ты знаешь, – отвечаю я, – что в организме человека больше семидесяти триллионов клеток, и каждая выполняет свою функцию? Это же чудо какое!

Мы как два одержимых ученых, и нам не до развлечений, которыми увлекаются наши сверстники. Пока другие ходят на дискотеки и вечеринки, мы сидим дома с учебниками и мечтаем о будущем.

– Сережа, – говорю я однажды вечером, – а что если нам съехать от родителей?

Глава 3

– Сережа, – говорю я однажды вечером, – а что если нам съехать от родителей? Снимем что-нибудь дешевое, будем жить вместе?

Он поднимает глаза от учебника по товароведению и смотрит на меня.

– Ты серьезно? – спрашивает он. – А деньги где возьмем? Аренда, коммунальные, еда...

– Найдем работу, – говорю решительно. – Я могу санитаркой устроиться, ты – помощником повара.

Я прижимаюсь к его плечу и чувствую, как он напрягается.

– Лиз, это же серьезный шаг, – говорит он тихо. – Мы фактически начнем жить как взрослые. Со всеми проблемами и заботами.

– А разве мы не взрослые? – спрашиваю я. – Сереж, мне так надоело слушать мамины упреки каждый день. "Вот видишь, как трудно тебе учиться в медучилище. В институте была бы стипендия больше". И твоя мама тоже не в восторге от наших отношений.

Он молчит, потому что знает: я права. Тетя Света хоть и не говорит прямо, но постоянно намекает, что в его возрасте рано связывать себя серьезными отношениями.

– Найдем что-нибудь, – повторяю я упрямо. – Небольшую комнату. Главное – чтобы свою.

И мы находим. Через неделю интенсивных поисков Сережа приходит с горящими глазами.

– Лизка! У меня есть вариант! – кричит он прямо на входе в наш двор. – Комната в коммуналке на Заречной улице! Дешево!

– А что значит "дешево"? – подозрительно спрашиваю я.

– Значит, что если мы оба найдем работу, то сможем себе позволить.

Мы едем смотреть в ту же субботу. Коммуналка находится на четвертом этаже старого кирпичного дома без лифта. Хозяйка, тетя Клава лет шестидесяти, встречает нас в засаленном халате и тапочках.

– Студентики? – прищуривается она, оглядывая нас с ног до головы. – А не будете скандалить? Музыка громко включать? У меня тут тихий дом.

– Нет, что вы, – заверяю я. – Мы очень спокойные.

Комната оказывается крошечной – метров десять, не больше. Один совсем маленький оконце выходит во двор-колодец, где почти не бывает солнца. Старые обои отваливаются полосами, на потолке желтые разводы от протечек. Мебель: железная кровать, скрипящая при каждом движении, шаткий стол, два стула и платяной шкаф, который, кажется, вот-вот развалится.

– Кухня общая, – показывает тетя Клава, – но у каждого своя полка в холодильнике. Ванная и туалет тоже общие. Живут тут еще трое: дедушка Семен – он тихий, спит в основном, тетя Вера – работает поваром в заводской столовой, и Димка – студент политеха, но он редко дома бывает.

Кухня оказывается еще более удручающей, чем комната. Старая газовая плита с двумя работающими конфорками, мойка с облупившейся эмалью, стол, покрытый клеенкой с дырами. На полках стоят банки-склянки с крупами и какие-то консервы.

– Сколько? – спрашивает Сережа.

Тетя Клава называет сумму, и я понимаю: это большая половина от наших стипендий.

– Берем, – говорю я, не раздумывая.

Сережа удивленно смотрит на меня.

– Лиз, ты уверена?

– Уверена, – киваю я, хотя внутри все холодеет от ужаса. – Это наш дом, Сережа. Наш первый дом.

В тот же день мы рассказываем родителям. Реакция предсказуемая.

– С ума сошли! – кричит мама. – Девятнадцать лет! Вы дети еще! Какая коммуналка, какая совместная жизнь?

Тетя Света качает головой:

– Сережа, сынок, а может, рано еще? Ты же еще не зарабатываешь...

– Но мы найдем работу, – заверяю я. – Я уже договорилась в городской больнице. Санитаркой устроят на полставки.

– А я в "Столовой номер пять" буду помощником повара, – добавляет Сережа. – Там платят неплохо.

Родители пытаются отговорить нас еще неделю, но мы непреклонны. К концу месяца мы въезжаем в нашу маленькую комнату, и я впервые в жизни чувствую себя по-настоящему взрослой.

Первая ночь в новом доме становится для меня незабываемой. Мы лежим на узкой железной кровати, которая скрипит от каждого вздоха, под тонким одеялом, которое я принесла из дома. За стеной храпит дедушка Семен, где-то капает вода, а с улицы доносятся звуки ночного города.

– Не жалеешь? – шепчет Сережа, обнимая меня.

– Нет, – отвечаю я и понимаю, что это правда. – А ты?

– Тоже нет. Знаешь, как здорово – засыпать и просыпаться вместе каждый день?

– Знаю, – улыбаюсь я в темноте.

Но романтика заканчивается утром, когда мы сталкиваемся с суровой реальностью. Горячую воду в доме дают только по вечерам и то через день. В душе нет шторки, и вода разбрызгивается по всей крошечной ванной. Холодильник ломается каждую неделю, и наши продукты портятся.

А еще оказывается, что жить на две студенческие стипендии и небольшие зарплаты практически невозможно.

Моя работа санитарки в терапевтическом отделении тяжелая физически и морально. Я мою полы, меняю постельное белье у лежачих больных, выношу судна, дезинфицирую палаты. Работаю через день после учебы, с шести вечера до полуночи. Платят копейки, но я рада и этому.

Сережа работает помощником повара в "Столовой номер пять". Это обычная рабочая столовая при заводе, где подают простенькие блюда для сотрудников. Его задача – чистить овощи, мыть посуду, подносить продукты основному повару.

– Дядя Вася меня учит, – рассказывает он вечерами, когда мы сидим на нашей скрипящей кровати с тарелками гречки и сосисок. – Показывает, как правильно держать нож, как нарезать лук, чтобы не плакать.

– А что готовят в вашей столовой? – интересуюсь я.

– Борщ, солянка, котлеты, макароны, каши, – перечисляет он. – Простые блюда. Но дядя Вася говорит, что даже самое простое блюдо можно приготовить с душой или без души. И люди чувствуют разницу.

Вечерами, когда мы оба свободны, Сережа практикуется на нашей общей кухне. Покупает самые дешевые продукты и пытается создать что-то необычное. Я становлюсь его единственным дегустатором и самым благодарным критиком.

– Попробуй, – говорит он, подавая мне ложку какого-то супа. – Это обычный картофельный суп, но я добавил туда немного тмина и копченую паприку.

Я пробую и глаза расширяются от удивления:

– Сережа! Это же невероятно! Вкус совершенно не похож на обычный картофельный суп!

– Правда? – глаза светятся от гордости. – А я еще думал, может, лавровый лист добавить...

– Обязательно! Ты у меня настоящий волшебник!

Наше меню состоит в основном из макарон, гречки, картошки и самых дешевых овощей. Мясо можем позволить себе раз в неделю, и то самое недорогое. Но Сережа умудряется даже из этих простых продуктов готовить что-то особенное.

Он делает невероятно ароматную картошку с луком и укропом, варит гречку так, что она получается рассыпчатой и вкусной, готовит макароны с самодельным томатным соусом из дешевых помидоров и специй.

– Где ты этому научился? – спрашиваю я, уплетая за обе щеки очередной его кулинарный шедевр.

– Не знаю, – пожимает плечами он. – Просто чувствую. Понимаю, что с чем сочетается, сколько чего нужно добавить.

И я начинаю понимать: у моего Сережи действительно талант. Настоящий дар.

Но жить впроголодь оказывается тяжелее, чем я представляла. К концу месяца денег едва хватает на самое необходимое. Иногда последние дни до стипендии мы питаемся одним хлебом и чаем. Я худею на пять килограммов за первые два месяца нашей совместной жизни.

– Лиз, а может, попросим денег у родителей? – предлагает Сережа, когда мы в очередной раз ужинаем хлебом с маргарином.

– Нет, – отвечаю решительно. – Мы сами выбрали такую жизнь. Сами и справимся.

Но, несмотря на все трудности, я счастлива. Безумно, абсолютно счастлива. Каждое утро я просыпаюсь рядом с любимым человеком. Каждый вечер мы засыпаем, обнявшись, строя планы на будущее.

– Знаешь, – говорит он, когда мы лежим в темноте, слушая, как за окном шумит дождь, – когда я закончу колледж, хочу попробовать устроиться в настоящий ресторан. Не в столовую, а именно в ресторан.

– А какой? – спрашиваю я, рисуя пальцем круги на его груди.

– Есть в центре города "Золотая рыбка". Там настоящая кухня, настоящие повара. Конечно, меня туда сразу поваром не возьмут, но можно начать с того же помощника.

– А я хочу работать в родильном отделении, – делюсь я своей мечтой. – Помогать женщинам рожать детей, встречать на свет новую жизнь. Это же самое прекрасное, что может быть!

– Когда-нибудь и у нас с тобой будет ребенок, – шепчет он, целуя меня в макушку.

– Когда-нибудь, – соглашаюсь я, и сердце замирает от счастья.

Но через полгода нашей идиллии приходит первый серьезный удар.

Глава 4

В марте Сережа возвращается домой мрачнее тучи. Бросает куртку на стул и молча проходит к окну.

– Что случилось? – пугаюсь я.

– Уволили, – коротко отвечает он.

– Как уволили? За что?

Он поворачивается ко мне, и я вижу в глазах смесь злости и отчаяния.

– Поймал шефа на воровстве. Анатолий Петрович уже полгода продукты домой тащил. Мясо, рыбу, консервы. Думал, никто не замечает.

– И что ты сделал?

– Сказал ему об этом. Напрямую. "Анатолий Петрович, так нельзя. Это же кража". А он как закричит: "Ты что, меня учить будешь, щенок? Я тут работаю, когда ты еще под стол пешком ходил!"

Сережа садится на кровать, и кровать жалобно скрипит.

– А потом пришел директор столовой. И шеф ему говорит, что я, видите ли, продукты ворую. Представляешь? Сам ворует, а меня обвиняет!

– И директор поверил ему?

– А кому еще верить? Анатолий Петрович там уже десять лет работает, а я студент-практикант. Конечно, поверил ему.

Я сижу рядом с ним, обнимаю за плечи, и чувствую, как он весь дрожит от злости и обиды.

– Знаешь, что хуже всего? – говорит он тихо. – Мне нравилась эта работа. А теперь...

– А теперь найдешь работу лучше, – твердо говорю я. – Сережа, ну что ты переживаешь? Тебя уволили за честность, за то, что не смог молчать, видя несправедливость.

Три долгих дня Сережа не может найти новую работу. Мы обходим все кафе и столовые в городе, но везде один ответ: "Мест нет" или "Опыта маловато". А деньги тают прямо на глазах. К концу недели в кошельке остается двести рублей – хватит на хлеб и молоко дней на пять, не больше.

– Лиз, – говорю я себе в зеркале общей ванной, – держись. Все будет хорошо. Ты же сильная.

Но когда я смотрю на Сережу, на то, как он сидит над газетой с объявлениями, водя пальцем по строчкам, сердце разрывается. Плечи поникшие, глаза тусклые – совсем не тот веселый мальчишка, в которого я влюбилась.

На следующий день я принимаю решение. Иду к заведующей отделением в больнице.

– Галина Васильевна, – говорю робко, – а нельзя ли мне еще подработку найти? Может, в другом отделении или в ночную смену?

Она поднимает глаза от журнала и внимательно смотрит на меня.

– Девочка, ты и так еле на ногах стоишь. У тебя же еще учеба. Когда спать будешь?

– Справлюсь, – заверяю я. – Очень нужны деньги.

Галина Васильевна вздыхает:

– Хорошо. В инфекционном отделении нужен санитар на ночные смены. Работа тяжелая, но платят чуть больше. Справишься?

– Справлюсь! – киваю я с такой готовностью, что она даже улыбается.

Теперь у меня два графика: учеба днем, работа санитарки в терапии через день до полуночи и дежурства в инфекционном отделении три ночи в неделю. Сплю часа по четыре, а иногда и меньше. Но зато денег начинает хватать на нормальную еду.

Сережа тем временем находит работу мойщика посуды в кафе "У фонтана". Зарплата смешная, но хоть что-то. Приходит домой с покрасневшими от горячей воды руками, уставший, но довольный.

– Лиз, – рассказывает он, – я там подсматриваю за поварами. Запоминаю, как они готовят, какие специи используют. И знаешь что? Повар Олег заметил, что я интересуюсь, и иногда объясняет тонкости.

– Может, тебя скоро на кухню переведут? – надеюсь я.

– Может быть, – улыбается он. – Олег говорит, что у меня хорошие руки для повара.

И действительно, через месяц Сережу переводят помощником на кухню. Зарплата увеличивается в полтора раза, и мы можем вздохнуть свободнее.

Постепенно жизнь входит в более спокойное русло. Я привыкаю к постоянному недосыпу и усталости. На учебе держусь только на энтузиазме и крепком кофе. Сережа расцветает на новой работе, каждый вечер рассказывает о том, чему научился.

– Представляешь, – говорит он, нарезая картошку для ужина, – сегодня Олег доверил мне готовить соус для мяса. Самому! Говорит, что у меня правильное чутье на специи.

Я смотрю на него: на горящие глаза, на увлеченность, с которой он рассказывает о работе, и понимаю: он на правильном пути. Мой талантливый Сережа обязательно добьется успеха.

К концу второго курса мы уже чувствуем себя настоящей семьей. Научились экономить, планировать бюджет, поддерживать друг друга в трудные моменты. Наша маленькая комната стала по-настоящему домом. Я принесла из дома несколько комнатных растений, Сережа повесил на стену фотографию с нашей школьной линейки.

– Знаешь, – говорю я, когда мы лежим в постели и слушаем, как за окном поет соловей, – я так рада, что мы остались здесь. Что не разъехались по разным городам.

– И я рад, – шепчет он, глядя меня по волосам. – Не представляю свою жизнь без тебя, Лизка.

– И я без тебя, – отвечаю я. – Мы прорвемся, Сережа. Ты талантливый, я в тебя верю.

Эти слова я буду повторять ему еще много раз в течение следующего года. Когда в кафе сменится администрация, и его снова уволят. Когда он будет искать работу месяц и начнет сомневаться в своих способностях. Когда устроится в ресторан "Волга" помощником повара, но через полгода поссорится с шефом из-за того, что тот заставлял использовать просроченные продукты.

– Мы прорвемся, Сережа. Ты талантливый, я в тебя верю, – говорю я каждый раз, когда вижу отчаяние в его глазах.

И он верит мне. Верит, что все получится, что трудности временные, что его талант обязательно будет оценен по достоинству.

А я работаю все больше. Беру дополнительные смены, подрабатываю, делая уколы на дому, иногда сижу с детьми соседей.

В конце третьего курса происходит настоящий прорыв. Сережу берут поваром второго разряда в новый ресторан "Европа", который открывается в центре города. Это уже не кафе и не столовая, а настоящий ресторан с красивым интерьером, профессиональным оборудованием и амбициозным шефом.

– Лиз! – кричит он, влетая домой. – Взяли! Меня взяли в "Европу"!

Я бросаюсь к нему в объятия, и он кружит меня по нашей маленькой комнате.

– Поздравляю! – кричу я. – Я же говорила, что ты пробьешься!

– Зарплата будет в три раза больше! – не может успокоиться он. – А главное – там настоящая кухня! Шеф-повар Виктор Борисович работал в Москве, в дорогих ресторанах. Он будет меня учить!

И правда, работа в "Европе" становится для Сережи настоящей школой. Он приходит домой усталый, но счастливый, полный новых знаний и идей.

– Знаешь, что я сегодня узнал? – рассказывает он. – Оказывается, есть пять основных французских соусов, на основе которых готовятся все остальные. И если их освоить, можно создавать бесконечные вариации!

– Покажешь мне? – прошу я.

– Обязательно! В выходные приготовлю для тебя что-нибудь по всем правилам.

Последний год учебы пролетает незаметно. Мы оба с головой погружены в подготовку к дипломным работам. Я пишу исследование о роли медсестры в послеоперационном уходе, Сережа готовит дипломный обед из пяти блюд.

Защита дипломов проходит в один день – сначала моя утром, потом его вечером.

– Свиридова Елизавета Сергеевна, – объявляет председатель комиссии, – защита дипломной работы на тему "Особенности сестринского ухода в послеоперационном периоде".

Я выхожу к кафедре, и руки дрожат. Но как только начинаю говорить, волнение проходит. Я рассказываю о своем исследовании, о том, как важна роль медсестры, о статистике, которую собирала, о выводах, к которым пришла.

– Очень хорошая работа, – говорит председатель комиссии. – Практическая направленность, глубокий анализ. Оценка "отлично".

Сережка сидит в аудитории и улыбается мне так, словно я защитила диссертацию в Академии наук.

Вечером очередь за ним. Защита у поваров проходит не совсем обычно – кроме теоретической части нужно приготовить дипломное меню.

Сережа готовит салат с морепродуктами, крем-суп из тыквы с имбирем, телятину в винном соусе с овощным рагу, десерт из белого шоколада с ягодами и домашний хлеб с травами.

– Белов Сергей Андреевич, – объявляет его председатель комиссии, дегустируя блюда. – Высокий уровень владения техникой, отличное чувство вкуса, креативный подход. Оценка "отлично".

Мы оба с красными дипломами!

Вечером празднуем дома, в нашей маленькой комнате.

– За нас, – поднимает бокал Сережа.

– За нас, – повторяю я. – За то, что смогли. За то, что вместе.

– За то, что ты не уехала в Москву, – добавляет он серьезно.

– За то, что ты не сдался, – отвечаю я.

Мы пьем шампанское из обычных стаканов, едим изысканную еду, приготовленную Сережей, в нашей крошечной комнате, и чувствую себя самой счастливой женщиной в мире.

– Лиз, – говорит Сережа, когда мы заканчиваем ужин. – А давай поженимся?

Глава 5

Я едва не давлюсь:

– Сейчас?

– Ну, не прямо сейчас, – смеется он. – Сначала надо заявление подать.

– Так мы же и так живем, как семья, – улыбаюсь я.

– Живем. Но хочется, чтобы официально. Чтобы ты была моей женой не только по факту, но и по документам.

Он встает с постели, подходит ко мне и становится на одно колено. В руке у него маленькая коробочка.

– Свиридова Елизавета, – говорит торжественно, – согласишься стать моей женой?

Открывает коробочку, а там простенькое колечко с крошечным камешком.

– Сережа, – шепчу я, и глаза наполняются слезами. – Откуда у тебя кольцо?

– Копил, – признается он. – Полгода каждую копейку откладывал. Не самое дорогое, конечно, но...

– Оно самое красивое, – перебиваю я его. – Да, согласна. Тысячу раз да.

Он надевает кольцо мне на палец, и мы обнимаемся, смеемся и плачем одновременно.

Свадьбу назначаем на июль – самый жаркий и солнечный месяц. Денег на пышную свадьбу нет, да мы и не хотим. Решаем сделать скромно, но по-домашнему, по-нашему.

– Лиз, – предлагает Сережа, – а давай банкет в том кафе устроим, где я работаю? Хозяин разрешил, а все блюда я сам приготовлю.

– А справишься? – волнуюсь я.

– Конечно справлюсь! – уверенно отвечает он, обнимая меня. – Это же наша свадьба. Я хочу, чтобы все было идеально.

Подготовка к свадьбе превращается в настоящее приключение. Денег совсем немного, но зато сколько энтузиазма и любви!

Платье я покупаю на распродаже в "Доме моды". Простое белое платье из хлопка, без лишних украшений, но когда я его примеряю, Сережа замирает:

– Лиз, ты как принцесса.

– Не говори глупости, – смущаюсь я, поправляя юбку. – Самое обычное платье.

– Для меня ты в нем как принцесса, – повторяет он серьезно. – Самая красивая невеста в мире.

Костюм ему покупаем в том же магазине. Темно-синий, классический. Он стоит перед зеркалом в примерочной, поправляет галстук, и я понимаю: мой мальчишка стал мужчиной. Серьезным, красивым, ответственным.

За неделю до свадьбы начинается настоящая суматоха. Сережа составляет меню, закупает продукты, договаривается с поставщиками. Я занимаюсь приглашениями – просто звоню всем родственникам и друзьям.

– Двадцать человек, – подсчитываю вечером. – Моя родня, твоя, несколько друзей из училища и колледжа.

– В самый раз, – кивает Сережа, изучая свои записи. – На закуску сделаю канапе и салат Цезарь с курицей. На горячее – говядина в вине с картофелем гратен. На десерт – торт "Наполеон", мой фирменный рецепт.

– А когда ты все это готовить будешь? – удивляюсь я.

– Накануне вечером и утром в день свадьбы. Виктор Борисович разрешил пользоваться кухней ресторана. Говорит, поможет, если что.

Последние дни перед свадьбой проносятся как в тумане. Сережа практически живет на кухне ресторана, готовя пробные варианты блюд. Я бегаю по магазинам, занимаюсь последними приготовлениями.

И вот он наступает – наш день. 15 июля, яркое солнечное утро. Я просыпаюсь в шесть утра от того, что Сережа осторожно встает с кровати.

– Куда? – сонно спрашиваю я.

– На кухню, – шепчет он. – Нужно все приготовить.

– Сережа, – ловлю его за руку. – Мы же сегодня женимся.

Он садится на край кровати, берет мою руку в свои.

– Да, Лизка. Сегодня ты станешь моей женой. – В его голосе нежность. – Не могу поверить, что это правда.

– Поверь, – улыбаюсь я. – Через несколько часов я буду Белова Елизавета Сергеевна.

В загс мы едем в половине четвертого. Папа одолжил у соседа дяди Коли машину – старенькие "Жигули", но для нас это как лимузин. Машину украсили белыми лентами, на капот прикрепили кукол-молодоженов.

В зале торжеств нас ждут наши родные. Мама плачет в платочек, папа пытается выглядеть серьезно, но улыбка не сходит с лица. Тетя Света поправляет Сереже галстук и тоже утирает слезы. Дядя Коля записывает все на видеокамеру.

– Белов Сергей Андреевич и Свиридова Елизавета Сергеевна, – торжественно произносит сотрудница загса. – Сегодня вы создаете семью. Это большая ответственность и большое счастье.

Я слушаю торжественную речь, смотрю на Сережу, и сердце бьется так громко, что, кажется, его слышно всему залу. Вот он – самый важный момент в моей жизни.

– Согласны ли вы взять в мужья Белова Сергея Андреевича? – спрашивают меня.

– Согласна, – отвечаю я звонко, и голос не дрожит.

– Согласны ли вы взять в жены Свиридову Елизавету Сергеевну?

– Согласен, – отвечает Сережа, и его голос тоже твердый.

Мы обмениваемся кольцами. Мое кольцо – то самое, с крошечным камешком, а Сереже мы купили простое золотое колечко. Целуемся под аплодисменты родных, и я чувствую себя самой счастливой женщиной на свете.

– Теперь вы муж и жена, – объявляет сотрудница загса. – Совет да любовь!

После загса едем в кафе "Европа". Сережа договорился с хозяином, и сегодня один зал полностью в нашем распоряжении.

– О, боже мой! – восклицает мама, когда мы заходим в зал. – Сереженька, да ты волшебник!

Столы накрыты белыми скатертями, в центре каждого стоят букетики полевых цветов. На стенах развешаны наши фотографии. А главное – запахи! В воздухе витают такие ароматы, что у всех сразу просыпается аппетит.

– Садитесь, дорогие гости, – говорит Сережа, снимая пиджак и повязывая фартук поверх рубашки. – Сейчас все подам.

– Сережа, – пытаюсь остановить его, – может, кто-то поможет? Ты же жених!

– Нет, – качает головой он. – Это мой подарок вам всем. Хочу сам.

И он исчезает на кухне. Через десять минут выносит первые блюда. Канапе, мясные рулетики.

– Господи, Сережа, – восхищается тетя Вера, пробуя канапе. – Да это же ресторанный уровень!

– А курочка как тает во рту! – добавляет дядя Коля.

Я смотрю на Сережу, как он суетится между кухней и залом, подавая блюда, отвечая на комплименты, и сердце переполняется гордостью. Мой муж. Мой талантливый, удивительный муж.

Когда подают горячее – говядину в винном соусе с картофелем гратен, – все просто замолкают от восхищения.

– Дружок, – говорит дядя Коля с набитым ртом, – да ты же настоящий шеф-повар! А мы-то думали, что ты просто готовить любишь.

– Сереженька, милый, – плачет тетя Света, – я так горжусь тобой.

После горячего Сережа наконец садится с нами за стол, и мой папа встает с бокалом в руке.

– Дорогие молодожены! – произносит он торжественно. – За ваше счастье, за любовь, за то, чтобы всегда были вместе!

Все пьют, поздравляют, обнимают. А потом встает Сережа, берет бокал, и в зале становится тихо.

– Дорогие наши родные, – начинает он, и голос слегка дрожит от волнения. – Спасибо, что вы с нами в этот важный день. Спасибо за поддержку, за веру в нас.

Он делает паузу, ищет слова.

– Но больше всего я хочу сказать спасибо своей жене. – Он поворачивается ко мне, и в его глазах стоят слезы. – Без Лизы меня бы здесь не было. Она верила в меня, когда я сам в себя не верил. Когда меня увольняли, когда все шло не так, когда опускались руки, она всегда говорила: "Мы прорвемся, Сережа. Ты талантливый". И мы прорвались.

У меня комок в горле, и слезы текут по щекам. Все смотрят на нас, притихшие, тронутые.

– Лиза работала на двух работах, чтобы мы могли сводить концы с концами. Не спала ночами, но ни разу не пожаловалась. Ни разу не сказала: "Может, хватит уже мечтать? Может, пора быть реалистом?". Она просто верила. И ее вера сделала из меня того, кто я есть сейчас.

Сережа поднимает бокал:

– За мою жену! За самого дорогого, верного, преданного человека в мире! Лиза, я люблю тебя!

– За молодых! – подхватывают все остальные.

Я не могу говорить от слез. Встаю, обнимаю Сережу, прижимаюсь к нему, и все хлопают, кричат "Горько!"

– Теперь танец молодых! – объявляет дядя Коля, включая музыку.

Звучат первые аккорды песни "Я люблю тебя до слез", и Сережа приглашает меня на танец. Мы выходим в центр импровизированного танцпола, и он обнимает меня за талию.

"Я люблю тебя до слез,

Каждый вздох, как в первый раз,

Вместо лжи красивых фраз

Это облако из роз..."

Мы медленно кружимся под эти слова, и весь мир исчезает. Есть только мы двое, эта песня и безграничное счастье.

"Каждый вздох, как в первый раз" – шепчет мне на ухо Сережа, и это правда. Каждый день с ним как первый раз. Каждое утро я влюбляюсь в него заново.

– Счастлива? – спрашивает он, кружа меня под музыку.

– Безумно, – отвечаю я. – А ты?

– Я самый счастливый мужчина в мире.

К нам присоединяются остальные гости, и весь зал танцует. Все смеются, веселятся, и я понимаю: это именно та свадьба, о которой я мечтала. Без пышности и роскоши, но с такой любовью, такой теплотой.

Вечером, когда гости расходятся, мы с Сережей остаемся в зале, убираем со столов.

– Устала? – спрашивает он, складывая грязные тарелки.

– Нет, – отвечаю правдиво. – Я как будто летаю. Сережа, это был самый прекрасный день в моей жизни.

– И в моей, – соглашается он. – Знаешь, о чем я думаю?

– О чем?

Он подходит ко мне, берет за руки:

– Через пять лет у нас будет собственный ресторан. Я буду шеф-поваром, ты... может, тоже что-то связанное с рестораном? Или продолжишь работать медсестрой, если захочешь.

– А через семь лет? – подхватываю я его игру.

– Через семь лет у нас будут дети, – мечтательно говорит он. – Двое, а может, трое. Будем жить в собственном доме, с садом. По воскресеньям устраивать семейные обеды, учить детей готовить...

– Как красиво ты рисуешь наше будущее, – улыбаюсь я.

– Оно таким и будет, – уверенно заявляет он. – Мы же все можем, правда? Мы уже столько прошли вместе.

– Можем, – киваю я. – Обязательно можем.

Мы убираем последние тарелки, выключаем свет и выходим из кафе уже как муж и жена. На улице теплый июльский вечер, светят звезды, и я чувствую себя героиней сказки.

– Домой, супруга? – спрашивает Сережа, предлагая мне руку.

– Домой, супруг, – смеюсь я.

Но уже через месяц после свадьбы наша жизнь круто меняется.

Глава 6

– Лиз, – говорит Сережа, приходя домой после работы, – у меня для тебя новость. Я поворачиваюсь к нему от плиты, где готовлю ужин, и сразу понимаю по его лицу: что-то серьезное.

– Какая новость? – настораживаюсь я.

– Виктор Борисович предложил мне... – он делает паузу, – переехать в Москву. Там открывается новый ресторан, нужен помощник шеф-повара. Он рекомендовал меня.

Я стою с половником в руках и не могу произнести ни слова.

– Москва? – наконец выдавливаю из себя.

– Да. Представляешь, какая возможность? Настоящий московский ресторан, серьезная кухня, совершенно другой уровень!

Сережа ходит по нашей маленькой комнате, размахивает руками, глаза горят от возбуждения.

– Зарплата будет в три раза больше нашей общей. Лиз, это шанс! Такие возможности раз в жизни выпадают.

– А я? – тихо спрашиваю я. – Что я буду делать в Москве?

– Найдешь работу! – легко отвечает он. – Медсестры везде нужны. А какой опыт ты получишь в московских больницах!

– Сережа, – сажусь на кровать, – но ведь здесь наша жизнь. Работа, которую я люблю. Анна Петровна меня только начала по-настоящему учить сложным процедурам. Наши друзья, родители рядом...

– Лизка, – он садится рядом, берет мои руки, – пойми, если я откажусь от этого предложения, таких больше может не быть. А наши планы? Собственный ресторан через пять лет? В Москве это реально, там деньги, там возможности!

Я смотрю на него: на горящие глаза, на взволнованное лицо, и понимаю – решение он уже принял. В его голосе нет вопроса, есть только попытка убедить меня согласиться.

– Когда нужно ехать? – спрашиваю я.

– Через три недели. Я знаю, это быстро, но...

– Три недели? – У меня перехватывает дыхание. – Сережа, но как же работа? Я не могу бросить отделение. У меня пациенты, обязательства...

– Ну что пациенты, – махает рукой он. – Их передашь другой медсестре. Главное – наше будущее, Лиз!

Я встаю, подхожу к окну. На улице сумерки, зажигаются фонари, идут знакомые люди по знакомым дорожкам. Вся моя жизнь здесь, в этом маленьком городке.

– А где мы будем жить? – поворачиваюсь к нему.

– Пока снимем что-нибудь недорогое, – признается он. – Но постепенно устроимся. Лиз, я понимаю, тебе страшно. Мне тоже. Но разве мы не мечтали о большем?

Страшно. Да, мне страшно. Оставить все, что дорого, родное, привычное, и ехать в огромный незнакомый город.

– Мама будет плакать, – говорю я.

– Будет, – соглашается Сережа. – И моя тоже. Но они поймут. Когда увидят, как мы живем через год, они поймут, что мы правильно поступили.

Я закрываю глаза, пытаюсь представить себя в Москве. Огромные больницы, чужие люди, совершенно другой ритм жизни.

– А если не получится? – шепчу я. – Если не сможем там освоиться?

Сережа подходит, обнимает меня сзади, кладет подбородок мне на плечо.

– Получится, Лизка. Мы же сильные. Мы же все преодолели до сих пор. И это преодолеем.

Стою в его объятиях и чувствую: выбора у меня нет.

– Хорошо, – говорю я. – Поедем.

– Правда? – он поворачивает меня к себе лицом. – Лиз, правда согласна?

– Да, – киваю я, стараясь улыбнуться. – Мы прорвемся, правда? Как всегда прорывались.

– Еще как прорвемся! – восторженно кричит он и кружит меня по комнате. – Лизка, ты увидишь! Через год мы будем жить совсем по-другому!

Следующие три недели проносятся в диком темпе. Я пишу заявление об увольнении, передаю всех своих пациенток другим медсестрам. Анна Петровна расстроена.

– Лизонька, – говорит она, – я все понимаю, но ты подумай: здесь ты уже на хорошем счету, тебя ценят. А там придется все начинать сначала.

– Анна Петровна, я должна быть рядом с мужем, – отвечаю я. – А работу найду. Вы меня многому научили.

– Научила, – вздыхает она. – Только жаль, что все впустую. Ты могла бы стать отличной старшей медсестрой.

Родители тоже против. Особенно мама.

– Лиза, зачем вам эта Москва? – плачет она. – Живите здесь спокойно. Сережа хороший повар, найдет работу и здесь.

– Мам, но там совсем другие возможности, – пытаюсь объяснить я.

– Какие возможности? – всплескивает руками она. – Денег больше заработать? А счастье разве в деньгах? Здесь у вас дом, семья, корни. А там что? Чужие люди, чужой город.

Но я уже дала слово Сереже, и пути назад нет.

Отъезд назначаем на утро понедельника. В воскресенье устраиваем прощальный ужин у моих родителей. Приходят все родственники, друзья из училища и колледжа. Все желают удачи, но в голосах звучит сомнение.

– Москва – город большой, – говорит папа, – легко в нем потеряться.

– Главное, друг друга не потеряйте, – добавляет тетя Света, обнимая меня.

Вечером, когда гости расходятся, остаемся только мы с родителями.

– Лиза, – мама сжимает мои руки, – обещай, что будешь звонить каждый день.

– Обещаю, мам.

– И если что-то не так – сразу домой. Твоя комната всегда будет тебя ждать.

– Мам, все будет хорошо, – говорю я, но сама не очень в этом уверена.

Утром нас провожают родители. У всех красные глаза.

Автобус до Москвы идет восемь часов. Первые два часа Сережа возбужденно строит планы, рассказывает о ресторане, о том, как мы заживем. Потом устает и засыпает. А я смотрю в окно на проплывающие мимо деревни, поля, леса и думаю: правильно ли мы поступаем?

В Москву приезжаем вечером. Выходим из автобуса на Щелковском автовокзале, берем наши два чемодана и стоим среди толпы чужих людей.

– Ну что, москвичка, – улыбается Сережа, – приехали.

Смотрю вокруг: огромное здание вокзала, множество людей, все куда-то спешат, никто не обращает на нас внимания. И вдруг чувствую себя такой маленькой, такой потерянной.

Мы ночуем в небольшом хостеле, а следующий день начинается новая жизнь. Сережа идет знакомиться с рестораном, а я – искать жилье и работу.

Первое, что меня поражает в Москве, – это цены. За ту сумму, на которую мы дома могли снимать двухкомнатную квартиру, здесь предлагают маленькую комнатку в коммуналке на окраине города.

– Это все, что мы можем себе позволить, – говорю я Сереже вечером, когда мы встречаемся после целого дня поисков.

– Ничего, – отвечает он. – Это временно. Года через два будем жить в центре.

Комната оказывается крошечной – десять квадратных метров на четвертом этаже старого дома без лифта. Соседи по коммуналке – пожилая учительница тетя Валя и студент Максим. Кухня общая, ванная тоже.

– Как в общежитии, – вздыхаю я, разбирая наши вещи.

– Хуже общежития, – честно признается Сережа. – Но это действительно временно, Лиз. Я буду работать так, что через год мы переедем.

Работу мне найти оказывается не так просто, как думалось. В первой больнице говорят:

– Опыт маленький, можем взять санитаркой.

– А медсестрой? – спрашиваю я.

– Медсестрой – только по конкурсу. И то не факт.

Во второй больнице та же история. В третьей предлагают работу в ночную смену в хирургическом отделении.

– Соглашайтесь, – советует заведующая, строгая женщина лет пятидесяти. – Поработаете полгода, покажете себя, тогда и на день переведем.

– А какая зарплата? – робко интересуюсь я.

Называет сумму, которая в полтора раза меньше, чем я получала дома.

– Но вы же в Москве, – пожимает плечами заведующая. – Опыт получите неоценимый.

Иду домой и плачу прямо на улице. Люди проходят мимо, никто не обращает внимания. В родном городе меня хотя бы кто-то узнал бы, остановился, спросил, что случилось. А здесь я – никто.

Глава 7

– Как дела? – спрашивает вечером Сережа.

– Есть предложение, – рассказываю я про больницу. – Правда, зарплата маленькая, и работать придется по ночам.

– Ничего, – обнимает он меня. – Главное, что есть работа. А у меня сегодня первый день в ресторане. Лиз, ты бы видела эту кухню! Такого оборудования я никогда не видел!

Он рассказывает о ресторане, о новых коллегах, о блюдах, которые будет учиться готовить, и я понимаю: он уже влюбился в новую жизнь. А я все еще скучаю по старой.

На работу выхожу через неделю. Хирургическое отделение больницы оказывается совсем не похожим на мое родное родильное отделение. Здесь все строго, быстро, никто не улыбается.

– Сестра Белова? – спрашивает старшая медсестра, коренастая женщина с усталым лицом. – Я Валентина Ивановна. Будете работать со мной в паре. Ночные смены тяжелые, больные после операций, нужно все время быть начеку.

Первая ночь превращается в кошмар. Я путаюсь в коридорах, не могу найти нужные медикаменты, не знаю, где что лежит. Пациенты стонут, кому-то больно, а я чувствую себя совершенно беспомощной.

– Белова! – строго окликает меня Валентина Ивановна. – В седьмой палате больной просит обезболивающее. Что стоите?

Бегу в седьмую палату. Там лежит мужчина лет сорока, после операции на желудке.

– Сестричка, – стонет он, – укольчик можно? Совсем плохо.

Смотрю в историю болезни, но не могу разобрать почерк врача. Иду к Валентине Ивановне.

– Какой укол делать больному в седьмой палате?

– Да разберитесь сами! – раздраженно отвечает она.

К утру я чувствую себя выжатой, как лимон. Валентина Ивановна только качает головой:

– Ну что с вами делать, Белова? В столице медсестрой работать – не в деревне с насморком возиться.

Иду домой по пустым утренним улицам, и слезы катятся сами собой. Звонит мама:

– Лизонька, как дела? Как работа?

– Хорошо, мам, – лгу я. – Все нормально.

– А коллектив дружный?

– Да, очень, – продолжаю врать, потому что не хочу расстраивать ее еще больше.

Дома Сережи уже нет – он уехал на работу. На столе записка: "Лизка, вчера готовил пробное блюдо для шефа. Сказал – очень неплохо! Отдыхай, вечером все расскажу. Люблю".

Ложусь спать, но не могу уснуть. За тонкими стенами слышно, как тетя Валя громко смотрит телевизор, а Максим слушает музыку.

Так проходят первые месяцы. Я постепенно привыкаю к работе, изучаю особенности отделения, налаживаю отношения с коллегами. Валентина Ивановна оказывается не такой злой, просто очень уставшей – работает в больнице уже двадцать лет.

– Белова, – говорит она через месяц, – вы, конечно, тормоз еще тот, но старательная. Это главное в нашем деле.

А Сережа расцветает. Каждый вечер рассказывает о новых блюдах, о том, как его хвалит шеф, о планах ресторана.

– Лиз, представляешь, завтра придет критик из "Московского гурмана"! Будет пробовать мой соус к утке. Если понравится, напишут рецензию!

Я радуюсь за него, но внутри все еще ноет: а что же я? Моя жизнь – это усталость, ночные смены, чужие люди вокруг. Домой звоню все реже – не хочется расстраивать родителей.

Прорыв случается через полгода. Заведующая отделением вызывает меня к себе:

– Белова, есть предложение. В родильном отделении освободилось место медсестры в дневную смену. Валентина Ивановна вас рекомендует. Интересно?

– Очень! – отвечаю я, стараясь не показать, как сильно волнуюсь.

– Тогда завтра подходите к Светлане Сергеевне Коваленко, она заведующая родильным. Посмотрит на вас, решит.

Иду домой и впервые за полгода чувствую настоящую радость. Родильное отделение! Моя специальность, то, что я люблю!

Сережа в этот день приходит поздно, но счастливый.

– Лизка! – кричит он, ворвавшись в комнату. – Критик написал рецензию! Слушай!

Он достает газету и читает: "Особого внимания заслуживает утка в апельсиновом соусе, приготовленная су-шефом Сергеем Беловым. Блюдо демонстрирует тонкое понимание французской кухни и безупречную технику исполнения."

– Су-шеф! – восторженно повторяет он. – Меня называли су-шефом! А ведь я еще даже года не работаю!

– Сережа, это замечательно! – обнимаю его. – А у меня тоже новости. Меня могут перевести в родильное отделение.

– Правда? – радуется он. – Вот видишь, все налаживается! Лизка, мы на правильном пути!

На следующий день иду знакомиться со Светланой Сергеевной. Женщина лет сорока пяти, с добрыми глазами и уставшим, но приветливым лицом.

– Значит, Елизавета Сергеевна? – смотрит мое резюме. – Опыт в родильном отделении есть, это хорошо. Рекомендация от Валентины Ивановны положительная. Скажите, почему хотите именно к нам?

– Это моя специальность, – отвечаю честно. – Я работала в родильном отделении в своем городе, пока училась, и это было лучшее время в моей профессиональной жизни. Помогать женщинам в такой важный момент, встречать новую жизнь – для меня это не просто работа.

Светлана Сергеевна внимательно смотрит на меня.

– Хорошо. Завтра выходите на стажировку. Посмотрим, как справитесь. У нас отделение непростое – и радость, и горе рядом идут. Нужны крепкие нервы и большое сердце.

– У меня есть и то, и другое, – говорю я.

И это оказывается правдой. Первый же день в родильном отделении больницы показывает мне: вот где мое место.

За первую смену принимаю двое родов. В первом случае – молодая мама, рождает впервые, очень боится.

– Не бойтесь, – говорю ей, держа за руку во время схватки. – Все хорошо, малыш уже совсем близко.

– Мне так больно, – плачет она.

– Потерпите еще немного. Вот увидите, когда возьмете его на руки, забудете про всю боль.

И действительно, когда врач кладет ей на грудь сына, она смотрит на него и плачет уже от счастья.

– Спасибо вам, – шепчет она мне. – Вы мне так помогли.

Второй случай сложнее – женщина рождает четвертого ребенка, но что-то идет не так. Врач напряжен, все работают быстро и сосредоточенно.

– Белова, подготовьте все для реанимации новорожденного, – командует доктор.

Руки работают автоматически, подготавливаю аппаратуру, медикаменты. Малыш рождается синий, не дышит. Несколько секунд, которые тянутся вечно, потом слабый крик.

– Дышит, – облегченно говорит неонатолог. – Все хорошо.

К концу смены понимаю – я дома. Вот где мое призвание, вот где я нужна.

Светлана Сергеевна подходит ко мне перед уходом:

– Как день прошел?

– Замечательно, – отвечаю искренне. – Если можно, я бы хотела остаться.

– Можно, – улыбается она. – С понедельника выходите на постоянную работу.

Домой лечу, как на крыльях. Сережа уже дома, лежит на диване с книгой рецептов.

– Как дела, медсестра? – спрашивает он.

– Берут! – радостно объявляю я. – С понедельника работаю в родильном отделении!

– Отлично! – он вскакивает, обнимает меня. – Теперь у тебя будет нормальный график,

не эти ночные смены.

– И зарплата больше, – добавляю я.

– Еще лучше. А знаешь, что сегодня сказал мне шеф? Что через месяц-другой поднимет мне оклад. Представляешь, Лиз, мы начинаем жить по-человечески!

Глава 8

И он прав. Следующие месяцы действительно становятся лучше. Я влюбляюсь в свою работу заново. Каждый день – это маленькие чудеса, новые жизни, счастливые семьи.

Запоминаю каждые роды. Вот мама-одиночка рождает дочку и плачет: "Как я одна справлюсь?" А я говорю ей: "Справитесь. Материнская любовь – это самая большая сила."

Вот семейная пара долго не могла иметь детей, а теперь родился долгожданный сынок. Папа стоит за стеклом родзала и плачет от счастья.

Вот трудные роды у женщины в возрасте, врачи волнуются, но все проходит благополучно. "Я думала, что уже поздно," – говорит она, прижимая к себе малыша.

Коллеги принимают меня тепло, мы часто остаемся после смены попить чай и поговорить.

Светлана Сергеевна тоже замечает мою работу:

– Белова, вы быстро освоились. Роженицы вас любят – это дорогого стоит. Не каждая медсестра умеет найти подход к женщине в родах.

– Мне самой нравится помогать им, – признаюсь я.

– И это видно. Продолжайте в том же духе.

Сережа тоже делает успехи. Через три месяца работы в родильном отделении он приходит домой с важным видом:

– Лиз, садись. Серьезный разговор.

– Что случилось? – пугаюсь я.

– Ничего плохого. Наоборот. Шеф предложил мне официальную должность су-шефа. С соответствующей зарплатой.

Называет сумму, и у меня глаза становятся круглыми.

– Серьезно?

– Абсолютно. И знаешь, что это значит?

– Что?

– А то, что мы можем позволить себе снять нормальную квартиру. Не в центре, конечно, но ближе к нему. И не комнату в коммуналке, а полноценную однушку.

Я не сразу верю, что это правда. Месяц спустя мы действительно переезжаем в небольшую, но уютную квартиру в Медведково. У нас есть своя кухня, своя ванная, и никого чужого рядом.

– Боже мой, – говорю я, стоя посреди нашей гостиной. – У нас есть дом.

– Есть, – соглашается Сережа. – И это только начало, Лизка.

Жизнь налаживается. Я работаю в дневные смены, прихожу домой не измученная, а просто приятно уставшая. Сережа работает много – по двенадцать часов, но приходит домой счастливый.

– Лиз, сегодня готовил семгу для банкета, – рассказывает он, пока я делаю ему массаж плеч. – Гости были в восторге. А один спросил рецепт!

– Дал? – улыбаюсь я, разминая его напряженные мышцы.

– Конечно, нет. Профессиональная тайна.

Мы ужинаем вместе, смотрим фильмы, строим планы. Сережа покупает кулинарные журналы, изучает новые техники. Я читаю профессиональную литературу по акушерству.

– Знаешь, – говорю я однажды вечером, – мне кажется, я наконец начинаю любить Москву.

– Правда? – поднимает голову от журнала он.

– Да. Сначала все было чужим, враждебным. А теперь... У меня есть работа, которую я обожаю. Есть коллеги, которые стали друзьями. И наш дом, наша жизнь.

– Я же говорил, что мы прорвемся, – довольно говорит Сережа.

Первый настоящий успех приходит к нему через полгода после переезда в новую квартиру. Он врывается домой с газетой в руках:

– Лизка! Смотри!

Разворачивает "Московскую правду", показывает статью: "Звезды московских ресторанов". Там фотография Сережи и большой текст про него.

– "Молодой талантливый повар Сергей Белов уже сейчас считается одним из лучших сушефов столицы", – читаю я вслух. – Сережа!

– Это не все! – он достает еще одну газету. – "Вечерняя Москва" тоже написала! И в "Гастрономе" будет интервью!

Я смотрю на него: на горящие глаза, на счастливое лицо, и сердце переполняется гордостью. Мой муж. Мой талантливый, замечательный муж, которого теперь знает вся Москва.

– Я так горжусь тобой, – говорю я.

– А я не смог бы без тебя, – обнимает он меня.

Я аккуратно складываю первую газетную вырезку с фотографией Сергея в файл. Потом еще одну. И еще. За два года у меня собирается целая папка – мой муж улыбается со страниц "Московского гурмана", "Вечерней Москвы", даже из глянцевого "Афиши". Я покупаю красивый альбом и вклеиваю каждую статью, каждое упоминание. Это история его взлета – и, как я понимаю сейчас, история начала нашего падения.

– Лизка, мы на правильном пути! – кричит Сережа, врываясь домой с конвертом в руках. Это премия за победу в конкурсе "Лучшее авторское блюдо года". Огромные деньги.

Я бросаюсь к нему, обнимаю. Он пахнет специями и успехом, а я... я пахну больничным мылом и усталостью после двенадцатичасовой смены. Но в тот момент мне все равно. Мы сделали это. Мой мальчик из провинциального городка теперь знаменитый московский повар.

– Завтра придет фотограф из "Гурмана", – говорит он, доставая из холодильника бутылку шампанского, которую мы покупали еще месяц назад "на особый случай". – Будут снимать меня дома, за готовкой. Ты не против?

– Конечно, не против, – смеюсь я. – Только дай мне нарядиться и привести квартиру в порядок.

Но когда приходит фотограф – молодой парень в очках и стильных джинсах – он вежливо просит меня "не мешать съемочному процессу". Я сижу в спальне три часа, слушаю, как они смеются на кухне, как щелкает затвор фотоаппарата.

В журнале потом будет большая статья "Звездный повар у себя дома". На фотографиях Сережа выглядит как мечта любой женщины – красивый, талантливый, улыбающийся. О жене в статье ни слова.

– А что про тебя писать? – пожимает плечами Сережа, когда я робко спрашиваю об этом. – Ты же не из мира кулинарии. Читателям интересен повар, а не его семейная жизнь.

Я киваю, но внутри что-то неприятно колет. Первый раз, но не последний.

Трещины появляются постепенно, как паутины на старой стене. Сначала незаметные, потом все шире.

Сережа начинает задерживаться на работе. Сначала до десяти вечера, потом до одиннадцати. Потом приходит, когда я уже сплю.

– Ресторан набирает обороты, – объясняет он, когда я жалуюсь на его отсутствие. – Я должен контролировать каждое блюдо, каждый процесс. От этого зависит наша репутация.

– Наша? – переспрашиваю я.

– Ресторана, – поправляется он, но я замечаю: он сказал "наша". Он уже не отделяет себя от работы.

Раньше он всегда спрашивал мое мнение о новых блюдах. Приносил домой контейнеры с едой из ресторана.

– Попробуй, Лиз. Как тебе соус? Не слишком острый?

Я была его главным критиком. Если мне нравилось, он был спокоен – значит, и гостям понравится.

Теперь он все реже интересуется моим мнением.

– Лиз, ты не понимаешь, – говорит он, когда я критикую его новый десерт. – У тебя простой вкус. А наши гости привыкли к более изысканной кухне.

Простой вкус. Эти слова врезаются мне в память.

А потом приходит настоящий успех, который меняет все окончательно.

Глава 9

Сережа становится шеф-поваром нового ресторана "Империя вкуса". Зарплата вырастает в разы. Его фотография появляется на рекламных щитах по всему городу.

– Теперь можем снять двушку в центре, – говорит он, перебирая объявления о сдаче квартир.

– А эта квартира мне нравится, – робко возражаю я. – Здесь уютно. И до работы удобно добираться.

– Лиз, я теперь публичная фигура. Не могу жить в Медведково. Что подумают журналисты, если узнают мой адрес?

Мы переезжаем в квартиру на Тверской. Евроремонт, дизайнерская мебель, огромная кухня с профессиональным оборудованием. До моей больницы теперь добираться час на метро.

– Зато какой вид! – восторгается Сережа, стоя у панорамного окна.

Я смотрю на мегаполис подо мной и чувствую себя чужой в собственном доме.

Первый телесюжет о Сереже выходит на канале "Культура". Программа "Званный ужин у шефа". Его снимают в ресторане, он готовит фирменное блюдо, рассказывает о себе.

– Мой путь в кулинарию начался в маленьком городке, – говорит он в камеру, элегантно нарезая утку. – Но настоящим поваром я стал только в Москве. Здесь я нашел себя.

Я смотрю передачу и понимаю: в его новой биографии для меня места нет. Были маленький городок и неопределенные трудности. А потом сразу Москва и успех.

– Классно получилось, правда? – спрашивает он, когда передача заканчивается.

– Очень, – говорю я. – Только ты забыл упомянуть, как я работала на двух работах, чтобы ты мог позволить себе эксперименты с дорогими продуктами.

– Лиз, при чем здесь это? – удивляется он. – Передача о кулинарии, а не о семейных отношениях.

Но я помню другого Сережу, который на нашей свадьбе сказал: "Без Лизы меня бы здесь не было".

Теперь он, кажется, в этом не так уверен.

Телевизионных сюжетов становится все больше. Интервью в глянцевых журналах. Фотосессии для рекламы кухонной техники. Сереже предлагают вести кулинарное шоу на федеральном канале.

– Лиз, представляешь? – Он размахивает контрактом. – Мое собственное шоу! "Кухня шефа"!

– Поздравляю, – говорю я, и в голосе нет энтузиазма.

– Что с тобой? – хмурится он. – Я думал, ты обрадуешься.

– Я рада за тебя, – отвечаю честно. – Просто... мне кажется, ты меняешься.

– Конечно меняюсь, – пожимает плечами он. – Я расту профессионально. А ты все та же. Работаешь в той же больнице, общаешься с теми же людьми. Может быть, тебе тоже стоит что-то изменить в своей жизни?

Эти слова больнее удара. Я все та же? А что в этом плохого? Разве плохо быть верной своим принципам, своему делу?

Но вслух я ничего не говорю.

Премьера шоу "Кухня шефа" превращается в светское событие. Сергея вместо со мной приглашают на презентацию в одном из лучших ресторанов Москвы.

Я покупаю новое платье – черное, простое, но элегантное. Иду в парикмахерскую в нашем доме, делаю прическу и макияж.

– Как я выгляжу? – спрашиваю у Сережи перед выходом.

Он бросает на меня рассеянный взгляд – сам одет в дорогой костюм, выглядит как кино-звезда.

– Нормально. Пойдем, опаздываем.

Нормально. Я потратила целый день на подготовку, а он говорит "нормально".

На презентации собрались знаменитые повара, рестораторы, журналисты, телевизионщики. Дамы в платьях от кутюр и с сумочками стоимостью с мою годовую зарплату. Мужчины в дорогих костюмах.

– А это Сергей Белов! – К нам подходит красивая блондинка лет тридцати в золотистом платье. – Поздравляю с шоу! Я Светлана Мишина, веду колонку о ресторанах в "Столичной жизни".

Сережа мгновенно преображается – улыбается своей фирменной улыбкой, которую я так любила и которую теперь вижу все реже.

– Очень приятно! – Он пожимает ей руку. – А это моя жена Лиза.

– Привет, – равнодушно бросает Юлия в мою сторону и тут же поворачивается обратно к Сереже. – Сергей, а расскажите про концепцию шоу...

Следующие полчаса она буквально монополизирует моего мужа. Они обсуждают кулинарные тренды, известных поваров, места, где я никогда не была и о которых даже не слышала. Я стою рядом, как декорация, и чувствую себя невидимой.

Наконец к нам подходят еще люди, и я получаю возможность вмешаться в разговор.

– А чем вы занимаетесь? – спрашивает меня жена одного ресторатора, дама в брильянтах.

– Я медсестра в родильном отделении, – отвечаю я.

– Ах... – Ее лицо выражает удивление, граничащее с жалостью. – Как... благородно.

Благородно. Словно я занимаюсь благотворительностью, а не работаю.

– А где вы покупали это платье? – спрашивает другая дама.

Я называю обычный магазин, и наступает неловкая пауза.

– Понятно, – наконец говорит она. – А я вот только что вернулась из Милана...

Они начинают обсуждать дизайнеров, о которых я никогда не слышала, цены, от которых у меня кружится голова. Я снова становлюсь невидимой.

Весь вечер проходит так. Сережа в центре внимания, окруженный поклонницами и коллегами. Я где-то на периферии, пытаюсь поддерживать разговоры о вещах, которые мне неинтересны и непонятны.

К концу вечера у меня болят ноги от новых туфель и душа от ощущения, что я здесь лишняя.

– Как тебе? – спрашивает Сережа в такси по дороге домой.

– Интересно, – лгу я.

– Видела, как журналисты меня окружили? – Он явно на подъеме. – Света сказала, что напишет большую статью. А продюсер с центрального телеканала намекнул на возможность нового проекта!

Света. Он уже называет ее сокращенно.

– Это замечательно, – говорю я.

Но замечательно ли? С каждым днем я чувствую, как он отдаляется от меня, как превращается в человека, которого я не узнаю. Где мой Сережа, который готовил для меня и считал, что моего одобрения достаточно? Где муж, который говорил, что я его главный критик?

– Ты не понимаешь, Лиза, – говорит он неделю спустя, когда я осторожно высказываю сомнения по поводу одного из его новых блюд. – Это бизнес, здесь другие правила. Мне важно мнение профессиональных критиков, а не...

Он не договаривает, но я понимаю: "а не твое".

Я стою на кухне нашей дорогой квартиры, смотрю на мужа в дизайнерской рубашке и понимаю: я его потеряла. Он ушел не к другой женщине, а к другой жизни. К жизни, в которой простая медсестра из провинции больше не нужна.

Глава 10

Прошло еще три года. Три года, в течение которых я наблюдаю, как мой муж превращается в человека, которого я почти не узнаю. И вот он стоит посреди нашей гостиной с бокалом шампанского в руке, а на экране телевизора показывают сюжет о церемонии вручения звезды Мишлен его ресторану "Белов".

– Лиза, мы сделали это! – кричит он, обнимая меня. – Звезда Мишлен! Представляешь?

Я смотрю на экран, где мой муж в безупречном смокинге произносит благодарственную речь перед сотнями людей. Камеры вспыхивают, журналисты записывают каждое его слово. Он выглядит как кинозвезда – уверенный, блестящий, недоступный.

– Поздравляю, – говорю я, и голос звучит как-то глухо. – Ты всегда об этом мечтал.

– Всегда! – Его глаза горят тем огнем, который раньше зажигался только когда он смотрел на меня. – Ты представляешь, что это значит? Теперь "Белов" – один из лучших ресторанов не только в России, но и в мире!

По телевизору показывают кадры из ресторана. Интерьеры, достойные дворца, блюда, похожие на произведения искусства, цены, от которых у меня перехватывает дыхание. Средний счет на одного человека равен моей месячной зарплате.

– Завтра будет большое празднование, – продолжает Сережа, листая сообщения в телефоне. – Все топовые рестораторы, критики, журналисты. Конечно, ты пойдешь со мной.

– Конечно, – отвечаю я автоматически, хотя внутри все сжимается. Я помню эти мероприятия. Помню, как чувствую себя там лишней.

– Отлично! Только... – Он бросает на меня оценивающий взгляд. – Может, купишь что-нибудь новое? Это важное событие, будут фотографировать.

– Хорошо, – киваю я, и сердце щемит от обиды. Раньше он говорил, что я красива в чем угодно. Теперь я недостаточно хороша для его нового мира.

На следующий день я трачу половину своей зарплаты на платье в бутике, куда никогда раньше не заходила. Темно-синее, элегантное, подчеркивающее фигуру. Парикмахер и визажист обходятся в остальную половину.

Когда я выхожу из спальни, готовая к празднованию, Сережа смотрит на меня с одобрением:

– Вот это другое дело! Выглядишь отлично.

Отлично. Не "красиво", не "потрясающе". Отлично – как работа, которую хорошо выполнили.

Ресторан "Белов" украшен так, словно здесь отмечают коронацию. Цветы, свечи, живая музыка. Гости – сливки московского общества. Дамы в нарядах от кутюр, мужчины в смокингах. Я узнаю лица с обложек журналов, телеведущих, известных поваров.

– Сережа! – К нам тут же подбегает та самая Светлана из "Столичной жизни", которую я встречала три года назад. За это время она стала еще красивее, еще увереннее. – Поздравляю, дорогой! Ты достоин этой звезды!

Дорогой. Она обнимает моего мужа, и я вижу, как он улыбается в ответ. Той самой улыбкой, которая когда-то предназначалась только мне.

– Света, спасибо! – Он обнимает ее в ответ. – Без твоих статей я бы никогда не дошел до такого признания.

– О, да брось! – Она смеется, касаясь его руки. – Талант всегда прорывается. Кстати, ты помнишь о нашем интервью? Я хочу сделать большой материал для журнала – "Звездный повар у себя дома, часть два". Поговорим о планах, о новых проектах...

Я стою рядом, и меня как будто нет. Светлана даже не поздоровалась со мной. Для нее я – просто часть декораций.

– Конечно помню, – отвечает Сережа. – Приезжай в любое время.

Они продолжают разговаривать, а я незаметно отхожу в сторону. У бара беру бокал вина и смотрю, как мой муж принимает поздравления. Он в своей стихии – харизматичный, блистательный, окруженный восторженными поклонницами.

– А вы жена шефа? – Ко мне подходит молодая журналистка с диктофоном.

– Да, – киваю я.

– Расскажите, каково это – жить с таким талантливым человеком?

– Замечательно, – отвечаю я дежурно. – Я всегда поддерживала его мечты.

– А что вы думаете о его планах открыть второй ресторан в Петербурге? И о возможном переезде в Лондон?

Я смотрю на нее непонимающе. Какой второй ресторан? Какой Лондон? Об этом мне никто не рассказывал.

– Я... – Голос предательски дрожит. – Извините, я должна найти мужа.

Пробираюсь сквозь толпу к Сереже. Он стоит в окружении поваров и критиков, что-то увлеченно рассказывает. Лицо светится счастьем.

– Сереж, можно тебя на минутку? – тихо говорю я, касаясь его руки.

– Сейчас не время, Лиз, – отмахивается он, не отрываясь от разговора. – Видишь, я занят.

Я отступаю. Захожу в дамскую комнату, смотрю на себя в зеркало. Красивое дорогое платье, профессиональный макияж, идеальная прическа. А в глазах – пустота.

Когда я возвращаюсь в зал, вижу Сережу с той самой Светланой. Они стоят у окна, она что-то шепчет ему на ухо, он смеется. Она касается его плеча, и он не отстраняется.

Что-то внутри меня обрывается.

Остаток вечера проходит как в тумане. Я улыбаюсь, когда нужно, киваю, когда спрашивают, произношу правильные слова. А внутри нарастает ощущение, что я наблюдаю за жизнью какого-то другого человека.

В такси по дороге домой Сережа весь светится от восторга.

– Лиз, это был потрясающий вечер! – Он перебирает визитки, которые успел собрать. – Мне предложили сотрудничество с французской сетью, хотят открыть ресторан в Лондоне. Представляешь?

– Представляю, – тихо говорю я. – А про второй ресторан в Петербурге мне журналистка рассказала. Почему я узнаю о твоих планах от посторонних людей?

– А, это... – Он машет рукой. – Пока только идеи. Ничего конкретного.

– Сережа, мы же муж и жена. Разве я не должна знать о том, что касается нашей жизни?

– Нашей? – Он поворачивается ко мне, и в его взгляде я читаю удивление. – Лиз, это мой бизнес. Мои проекты. Ты же работаешь в своей больнице, я – в своем ресторане.

– А как же "мы"? – Голос дрожит. – Как же наши общие планы?

– Какие общие планы? – В его голосе звучит искреннее недоумение. – Лиз, ты же понимаешь, что наши сферы деятельности совершенно разные? Ты не можешь быть полноценным партнером в ресторанном бизнесе.

Эти слова бьют больнее пощечины. Не могу быть полноценным партнером. А кто тогда была, когда работала на двух работах, чтобы он мог позволить себе эксперименты? Кто поддерживала его, когда никто не знал его имени?

– Понятно, – шепчу я.

– Ну что ты сразу обижаешься? – Он пытается взять меня за руку, но я отстраняюсь. – Я просто говорю, как есть. У каждого свое призвание.

Дома я иду в ванную, медленно снимаю дорогое платье, смываю макияж. В зеркале отражается обычная женщина с усталыми глазами. Не звезда, не светская дама. Просто Лиза Белова, медсестра родильного отделения.

Сережа уже спит, когда я ложусь в кровать. Лежу в темноте и понимаю: это был не просто вечер празднования. Это была демонстрация того, как далеко мы отошли друг от друга. Он живет в мире успеха, славы, признания. Я – в мире больничных коридоров, родильных палат, человеческой боли и радости.

Раньше мы были командой. Теперь мы – два чужих человека, живущих под одной крышей.

Глава 11

Следующие недели этот разрыв становится еще очевиднее. Сережа почти не бывает дома. Интервью, фотосессии, деловые ужины. Когда приходит, рассказывает о своих успехах, планах, новых знакомствах. Я слушаю и чувствую себя зрительницей в театре, которая смотрит на чужую жизнь.

– Знаешь, с кем я сегодня ужинал? – спрашивает он, развязывая галстук. – С Антуаном Дюбуа! Помнишь, я тебе рассказывал о нем – самый знаменитый критик Мишлен в Европе!

– Помню, – киваю я, хотя на самом деле не помню.

– Он сказал, что мой ресторан достоин двух звезд! Двух, Лиз! Понимаешь, что это значит?

– Это очень хорошо, – говорю я.

– Очень хорошо? – Он смотрит на меня с разочарованием. – Лиз, это фантастика! А ты реагируешь, как будто я рассказал о том, что купил хлеб!

– Извини, – бормочу я. – Просто тяжелый день был. У нас сложные роды, еле спасли ребенка...

– Опять твоя больница, – вздыхает он. – Лиз, ты заиклена на работе. Вокруг столько всего интересного происходит, а ты думаешь только о своих роженицах.

О своих роженицах. Он говорит это с такой интонацией, словно я занимаюсь чем-то недостойным его внимания.

– Это моя профессия, – тихо отвечаю я. – Я помогаю людям.

– И я помогаю! – горячится он. – Я создаю красоту, даю людям радость от вкусной еды, поддерживаю имидж российской кулинарии на международном уровне!

Мы смотрим друг на друга, и я понимаю: мы говорим на разных языках. Для него успех измеряется звездами Мишлен, рецензиями критиков, количеством нулей в доходах. Для меня – количеством спасенных жизней, благодарными слезами матерей, первым криком новорожденного.

Перелом наступает через месяц после празднования. Сережа опять задерживается на какой-то презентации. Я жду его с ужином до десяти, потом ем одна и ложусь спать.

Он приходит в половине первого, и я сразу понимаю: что-то не так. Походка слишком расслабленная, глаза блестят не только от усталости.

– Как прошел вечер? – спрашиваю я, поднимаясь с постели.

– Отлично! – Он улыбается слишком широко. – Знакомился с инвесторами для лондонского проекта. Очень перспективные ребята!

– А где это было?

– В "Метрополе". Светка организовала встречу, она знает всех нужных людей.

Светка. Уже даже не Света, а Светка. И снова она.

– Понятно, – говорю я. – А что она делала на деловой встрече?

– Как что? – Сережа удивленно поднимает брови. – Она же журналист, у нее связи. Лиз, что за странные вопросы?

– Не странные. Нормальные вопросы жены мужу.

– Жены мужу? – Он смотрит на меня, и в его взгляде появляется что-то жесткое. – А может, просто женщины, которая не доверяет своему мужу?

Эти слова обжигают. Я чувствую, как внутри все сжимается от боли и обиды.

– Сережа, я просто... Ты все время с ней, а со мной почти не разговариваешь. Я узнаю о твоих планах от посторонних людей. Мы стали чужими.

– Мы стали чужими? – Голос повышается. – Или ты просто не можешь смириться с тем, что я добился успеха? Что я больше не тот неудачник, который готовил для тебя на общей кухне?

Неудачник? Он был неудачником? А я думала, мы были счастливы...

– Я никогда не считала тебя неудачником! – Голос срывается. – Я любила тебя! Поддерживала во всем!

– Поддерживала? – Он смеется, но смех этот злой, чужой. – Лиза, ты просто боишься остаться одна! Цепляешься за меня, потому что сама ничего не добилась. Так и работаешь медсестрой, как десять лет назад!

Я застываю. Он сказал это. Действительно сказал. Человек, ради которого я отказалась от мединститута, которого утешала, когда его увольняли, который клялся в любви под дождем...

– А знаешь что? – продолжает он, разгорячившись. – Света права! Она говорит, что жены звезд должны соответствовать. Должны быть интересными, развитыми, красивыми! А ты...

– Что я? – шепчу я.

– А ты все такая же серая мышь из провинции! Тебе неинтересны мои достижения, ты не понимаешь моих планов, не можешь поддержать разговор с моими партнерами! Ты мне мешаешь!

Последние слова звучат как приговор.

– Сережа, – голос дрожит так, что я с трудом выговариваю слова, – ты забыл, кто работал на двух работах, чтобы ты мог экспериментировать с рецептами? Кто верил в тебя, когда никто не знал твоего имени?

– Забыл? – Он подходит ближе, и я вижу в его глазах что-то пугающее. – Я ничего не забыл, Лиза. Но это было тогда! А сейчас я на другом уровне. И мне нужна женщина, которая соответствует этому уровню.

– Женщина, которая соответствует... – повторяю я его слова и понимаю: он говорит не о жене. Он говорит о статусном аксессуаре.

– Да! – Он машет руками. – Посмотри на жен других успешных поваров! Они красивые, стильные, знают языки, разбираются в искусстве! А ты... ты даже одеться нормально не можешь без моих подсказок!

Я стою посреди нашей дорогой квартиры, в шелковой пижаме, которую он сам мне подарил, и чувствую себя нищенкой.

– А знаешь, что мне сказали на прошлой неделе? – продолжает он безжалостно. – Что я достоин большего. Что такой талантливый человек не должен довольствоваться... – он замолкает, но я понимаю.

– Довольствоваться мной, – заканчиваю я за него.

– Я этого не говорил.

– Не говорил, но думаешь.

Мы стоим друг против друга в спальне, где еще недавно были счастливы. Теперь между нами пропасть, через которую невозможно перекинуть мост.

– Лиза, – голос становится мягче, но в этой мягкости нет любви, только жалость, – пойми, я не хочу тебя обидеть. Но мы выросли из наших отношений. Ты хорошая девочка, но...

– Но я тебе больше не нужна, – заканчиваю я.

– Нужна! Просто... по-другому. Как друг. Как человек, который был рядом в трудное время.

Как человек, который был рядом в трудное время. Вот что я теперь для него. Не жена, не любовь всей жизни, не половинка. Просто свидетель его прошлого, от которого хочется избавиться.

– Понятно, – говорю я и поражаюсь тому, как спокойно звучит мой голос. Внутри все горит, а внешне я словно превратилась в лед.

– Ну вот и отлично! – Он с облегчением улыбается. – Значит, ты понимаешь.

Глава 12

Но следующим утром он ведет себя так, словно ничего не произошло. Целует меня в щеку на прощание, спрашивает, что буду на ужин. Возможно, надеется, что в запале наговорил лишнего, и я сделаю вид, что ничего не было.

А я иду на работу и чувствую себя как во сне. Принимаю роды, поддерживаю рожениц, заполняю документы. И все это время в голове крутятся его слова: "серая мышь из провинции", "мешаешь", "достоин большего".

– Лиза, что с тобой? – спрашивает коллега Марина во время обеденного перерыва. – Ты сегодня какая-то не такая.

– Все нормально, – отвечаю я автоматически.

Но ничего не нормально. Весь мой мир рухнул за одну ночь. Мужчина, которого я любила больше жизни, сказал, что я ему мешаю. Что он достоин большего, чем я.

Может быть, он прав? Может быть, я действительно серая мышь, которая не соответствует его новому статусу? Может быть, любви недостаточно, если ты не умеешь поддерживать светские разговоры и не знаешь, кто такой Антуан Дюбуа?

Вечером Сережа приходит домой с букетом роз.

– Извини за вчерашнее, – говорит он, обнимая меня. – Я был пьян и наговорил глупостей. Ты же знаешь, как я тебя люблю.

Я стою в его объятиях и понимаю: он не любит. Он привык. Он боится остаться один в этом своем новом блестящем мире. А может быть, просто еще не нашел достойную замену.

– Знаю, – говорю я, хотя теперь не знаю ничего.

Следующие месяцы мы живем как соседи, которые вежливо общаются и делят быт. А потом приходит известие о номинации на престижную международную премию в Париже.

– Лиза! – Он врывается в квартиру с сияющими глазами. – Меня номинировали на "Золотую тарелку"! В Париже! Это... это же мечта всей моей жизни!

Я смотрю на него – на его счастливое лицо, горящие глаза – и понимаю: вот он, мой Сережа. Тот, влюбленный в свое дело, готовый свернуть горы ради мечты. Только теперь я больше не часть этой мечты.

– Поздравляю, – говорю я. – Это действительно большая честь.

– Большая? Лиз, это грандиозно! – Он подхватывает меня на руки и кружит по гостиной. – Церемония пройдет в Лувре! Будут все звезды мировой кулинарии! И... – он ставит меня на пол и берет за руки, – ты поедешь со мной!

Я смотрю в его глаза и вижу там искреннее желание, чтобы я была рядом в этот важный момент. Может быть, это шанс? Может быть, мы сможем вернуть то, что потеряли?

– Конечно поеду, – говорю я, и сердце впервые за долгое время наполняется надеждой.

Но эта надежда начинает умирать уже через неделю.

– Лиз, нам нужно серьезно подготовиться к поездке, – говорит Сережа за завтраком. – Это не просто путешествие. Там будут все топовые кулинары мира, критики, журналисты. Каждая деталь имеет значение.

– Я понимаю, – киваю я. – Что нужно сделать?

– Ну... – Он смотрит на меня оценивающим взглядом, и этот взгляд обжигает. – Во-первых, тебе нужно сходить к стилисту. К хорошему стилисту, чтобы подобрать правильный образ.

– Правильный образ? – переспрашиваю я.

– Лиз, пойми, все жены номинантов будут выглядеть на миллион долларов. Фотографы, пресса... Мы не можем ударить в грязь лицом.

– Хорошо, – говорю я тихо. – А что еще?

– Платье. Нужно очень хорошее платье от известного дизайнера. Может быть, стоит взять в аренду что-то эксклюзивное?

Аренда платья. Чтобы я могла притвориться тем, кем не являюсь.

– И еще... – он замолкает, явно подбирая слова.

– Что еще, Сережа?

– А ты не думала сходить к стоматологу? Ну, знаешь, отбелить зубы, может быть, поставить виниры?

Я чувствую, как что-то внутри меня окончательно ломается. Он хочет переделать меня полностью. Волосы, лицо, зубы, одежду. Превратить в куклу, которая будет соответствовать его статусу.

– Хорошо, – повторяю я, и голос звучит как у робота.

– Не обижайся, солнышко, – он подходит и целует меня в висок. – Это все для нас. Для нашего будущего. Если я выиграю эту премию, перед нами откроются невероятные возможности.

Для нас. Но почему тогда мне так больно?

Следующие дни превращаются в настоящую пытку. Сначала стилист.

– Боже мой, – восклицает Данила, известный московский стилист, оглядывая меня с головы до ног. – С этим будет непросто работать.

С этим. Он говорит обо мне как о вещи.

– Волосы нужно кардинально изменить. Эта стрижка добавляет лет десять. И цвет... русый такой невыразительный. Нужно что-то более благородное.

Три часа в кресле парикмахера. Жжение от краски, шелканье ножниц, постоянные комментарии мастера о том, какая у меня "сложная" внешность. Когда все закончено, в зеркале отражается чужая женщина с темными волосами и холодным взглядом.

– Совсем другое дело! – довольно говорит стилист. – Теперь вы выглядите стильно.

Стильно, но не как я.

Следующий этап – стоматология. Врач, к которому отправил меня Сережа, принимает в клинике на Остоженке. Интерьеры как в пятизвездочном отеле, цены соответствующие.

– Зубы у вас в принципе хорошие, – говорит доктор после осмотра. – Но для голливудской улыбки нужны виниры. Правда, придется сточить здоровые зубы...

Сточить здоровые зубы ради голливудской улыбки. Уничтожить то, что дала мне природа, ради искусственной красоты.

– А можно обойтись без виниров? – спрашиваю я, и доктор смотрит на меня удивленно.

– Можно сделать профессиональную чистку и отбеливание, – пожимает он плечами. – Но эффект будет не такой впечатляющий.

Два часа в кресле с открытым ртом, специальные лампы, гели, растворы. Зубы действительно становятся белее, но остаются моими. Когда выхожу из клиники, чувствую небольшую победу – хотя бы здесь я осталась собой.

Сережа недоволен моим решением.

– Лиз, ну зачем ты сэкономишь на таких вещах? – говорит он, разглядывая мою улыбку.

– Виниры смотрелись бы намного эффектнее.

– Мне нравится, как сейчас, – отвечаю я тихо.

– Ладно, – вздыхает он. – Главное – платье. Завтра идем в бутик.

И вот мы стоим перед витриной самого дорогого бутика в Москве. Я чувствую себя как девочка из детского дома перед дверями дворца. Внутри все сверкает: зеркала, хрусталь, золото. Манекены одеты в наряды, стоимость которых равна моей годовой зарплате.

– Добро пожаловать! – К нам подплывает продавщица. Безупречный макияж, фигура модели, взгляд как рентген – оценивает стоимость нашей одежды, обуви, аксессуаров. – Чем могу помочь?

– Нам нужно вечернее платье, – говорит Сережа. – Для очень важного мероприятия в Париже.

– Понятно, – кивает она, и я замечаю, как ее взгляд скользит по мне с едва скрываемым сомнением. – А какой бюджет рассматриваете?

– Неограниченный, – беззаботно машет рукой Сергей.

– Прекрасно, – лицо продавщицы озаряется улыбкой. – Давайте посмотрим, что у нас есть подходящего.

Она начинает снимать с вешалок платья, и каждое кажется мне произведением искусства. Шелк, бархат, кружево, сияющие камни, сложные драпировки.

– Вот это очень актуально в этом сезоне, – говорит она, показывая черное платье с глубоким декольте. – А это – настоящий хит, носила сама Собчак на премьере.

Я киваю, чувствуя себя полной дурой. О моде я знаю примерно столько же, сколько о космических полетах.

– Давайте примерим, – предлагает Татьяна Сергеевна и ведет меня в примерочную.

Глава 13

Примерочная огромна. Зеркало в полный рост, мягкая банкетка, приглушенный свет. Я снимаю свою простую блузку и джинсы, и мне стыдно перед собственным отражением. Белье самое обычное, из масс-маркета, фигура уже не та, что в двадцать.

Первое платье – черное с декольте – сидит как чужая кожа. Я выхожу к Сереже, и он качает головой.

– Слишком вызывающе. Попробуй следующее.

Следующее – красное, облегающее. Подчеркивает все недостатки, которые я обычно скрываю.

– Не то, – снова качает головой Сережа. – Цвет не твой.

Татьяна Сергеевна стоит рядом с ним, и я чувствую ее взгляд. Критичный, оценивающий. Она видит женщину, которая не принадлежит к этому миру.

– А может быть, вот это? – предлагает она, доставая синее платье на тонких бретельках. – Очень элегантно.

Я иду в примерочную, натягиваю это платье, и... черт возьми, оно действительно красивое. Подчеркивает глаза, скрывает недостатки фигуры, делает меня выше и стройнее.

– Вот это другое дело! – восклицает Сережа, когда я выхожу. – Лиз, ты выглядишь потрясающе!

– Да, очень к лицу, – кивает продавщица, но в ее голосе я слышу профессиональную вежливость, а не искреннее восхищение.

– Только нужны подходящие туфли, – продолжает Сережа. – И сумочка. И украшения.

Следующий час я переобуваюсь в туфли на шпильках, которые кажутся орудием пыток. Примеряю сумочки, которые стоят как подержанная машина. Украшения, от блеска которых рябит в глазах.

– Вам очень повезло с мужем, – говорит мне продавец, когда мы оформляем покупку. – Не каждый мужчина готов так вкладываться в жену.

– Да, – отвечаю я тихо. – Мне повезло.

А когда мы выходим из бутика с пакетами, я чувствую себя проституткой, которую нарядили для дорогого клиента.

– Лиз, что с тобой? – спрашивает Сережа в машине. – Ты должна радоваться! Ты будешь выглядеть как королева!

– Как королева, – повторяю я его слова. – А чувствовать себя как клоун.

– Что ты говоришь? – Он поворачивается ко мне. – Это же прекрасная возможность показать себя!

Показать себя. Но кого именно? Ту женщину, которую создали стилист, парикмахер и дорогой бутик? Или ту, которой я была до всех этих превращений?

Накануне отъезда я долго стою перед зеркалом. В отражении – красивая незнакомка. Успешная, стильная, уверенная в себе.

Почему же мне так хочется плакать?

– Ты готова? – Сережа заходит в спальню, застегивая запонки на рубашке. – Такси уже подано.

– Готова, – говорю я, и голос звучит спокойно, хотя внутри все дрожит.

В аэропорту нас встречает сотрудница авиакомпании с табличкой. Бизнес-класс, отдельная регистрация, VIP-зал. Я чувствую себя персонажем чужого фильма.

– Нервничаешь? – спрашивает Сережа, когда мы устраиваемся в мягких креслах самолета.

– Немного, – признаюсь я.

– Все будет отлично, – он берет мою руку. – Главное – улыбайся и будь собой.

Будь собой. Но кто я теперь? Та девушка в белом халате, которая держит за руку роже-ниц? Или эта дорого одетая дама в бизнес-классе?

Самолет взлетает, и Москва остается внизу. Через несколько часов я буду в Париже. В городе, о котором мечтала всю жизнь. Рядом с мужчиной, которого люблю больше жизни.

Почему же вместо счастья в душе такая пустота?

Париж встречает нас дождем и серыми облаками. Но когда такси въезжает в центр города, я забываю обо всем. Елисейские поля, Триумфальная арка, Сена с ее мостами – все это оживает перед глазами.

– Красиво, правда? – говорит Сережа, заметив мое восхищение.

– Невероятно, – шепчу я, прижимаясь к окну.

Отель на Рю-де-Риволи поражает роскошью. Мраморный холл, хрустальные люстры, лестница с позолоченными перилами. Наш номер на шестом этаже с видом на Лувр.

– Ну как? – спрашивает Сережа, распахивая окна.

– Как в сказке, – отвечаю я и впервые за долгое время улыбаюсь искренне.

Может быть, все будет хорошо? Может быть, в этом прекрасном городе мы сможем найти друг друга снова?

Вечером мы гуляем по площади у Эйфелевой башни. Она подсвечена теплым светом и кажется невесомой кружевной конструкцией. Вокруг туристы делают селфи, продавцы сувениров предлагают брелоки, пары целуются на скамейках.

– Помнишь, мы мечтали сюда приехать? – говорит Сережа, обнимая меня за плечи.

– Помню, – киваю я. – Тогда это казалось невозможным.

– А теперь вот мы здесь, – он поворачивается ко мне, и в его глазах я вижу что-то теплое, родное. – Лиз, знаешь, о чем я думаю?

– О чем?

– Может быть, когда вернемся домой, нам стоит подумать о детях? – он гладит мою щеку.

– Ты же всегда хотела ребенка. А теперь у нас есть стабильность, деньги...

Дети. Мы говорили об этом много лет назад, планировали, мечтали. Потом как-то само собой отложили на потом. Карьера, рестораны, успех – все это казалось важнее.

– Правда? – в моем голосе звучит надежда, которую я не могу скрыть.

– Конечно, – он целует меня в лоб. – Ты будешь прекрасной мамой.

И в этот момент, стоя под звездным небом Парижа в объятиях мужа, я чувствую себя настоящим счастливым. Впервые за много месяцев. Может быть, мы действительно сможем все исправить? Может быть, ребенок поможет нам вспомнить, что такое настоящая любовь?

День церемонии начинается рано. Команда стилистов приходит прямо в номер – прическа, макияж, маникюр. Я сижу в кресле, как кукла, а вокруг меня суетятся профессионалы красоты.

– Мадам будет выглядеть божественно, – говорит визажист с французским акцентом, нанося последние штрихи.

В зеркале отражается совершенная картинка. Ни единого изъяна, ни единой неправильной детали. Но где же в этом отражении я?

Церемония проходит в Лувре. Красная дорожка, десятки фотографов, толпы журналистов. Когда мы выходим из машины, меня ослепляют вспышки.

– Сюда! Поверните голову! Улыбнитесь! – кричат фотографы.

Я пытаюсь улыбаться, но лицо словно парализовано. Руки дрожат, ноги в высоких туфлях подкашиваются. Сережа рядом сияет, позирует естественно и непринужденно. Он в своей стихии.

– Господин Белов! Как ощущения? – подбегает журналист.

– Невероятные! – отвечает Сережа. – Быть номинированным на такую премию – большая честь!

– А ваша жена волнуется?

– Конечно! – Он обнимает меня за талию. – Но она моя главная поддержка!

Зал торжеств поражает великолепием. Сотни людей в вечерних нарядах, живая музыка, официанты с шампанским. Я узнаю лица знаменитых поваров, которых видела по телевизору.

– Нервничаю, – признается мне Сережа, когда мы занимаем свои места.

– Все будет хорошо, – говорю я, беря его руку. – Что бы ни случилось, я горжусь тобой.

И это правда. Несмотря на все наши проблемы, я действительно горжусь его талантом, его упорством, его достижениями.

Церемония длится два часа. Номинации сменяют друг друга, победители произносят благодарственные речи. Наконец наступает момент объявления главной премии.

– И победитель в номинации "Лучший ресторан года"...

Глава 14

– И победитель в номинации "Лучший ресторан года"... – ведущий делает театральную паузу, и зал замирает в ожидании. – Ресторан "Белов", шеф-повар Сергей Белов!

Время останавливается. Я слышу оглушительные аплодисменты, чувствую, как Сережа резко встает рядом со мной, вижу его потрясенное, счастливое лицо. Он сделал это. Он действительно выиграл самую престижную кулинарную премию в мире.

– Лиз! – Он поворачивается ко мне, глаза сияют от слез радости. – Я выиграл! Мы выиграли!

Он целует меня прямо здесь, в зале, и на мгновение я забываю обо всех наших проблемах. Это его триумф, его мечта, и я здесь, рядом с ним, разделяя этот момент.

– Иди, – шепчу я ему. – Иди на сцену.

Он идет через весь зал к подиуму, а я сижу и смотрю, как сбывается мечта всей его жизни. Сердце колотится так сильно, словно премию получаю я сама.

На сцене Сережа берет микрофон дрожащими руками. Зал затихает.

– Я... я не знаю, с чего начать, – говорит он, и голос срывается от волнения. – Это невероятно. Когда я был мальчишкой из провинции, мечтавшим о кулинарии, я даже не мог представить, что когда-нибудь буду стоять здесь.

Он делает паузу, переводит дух.

– Прежде всего хочу поблагодарить свою команду. Без этих талантливых людей не было бы ресторана "Белов". Каждый из них вкладывает душу в то, что мы создаем вместе.

Аплодисменты.

– Спасибо моим наставникам, которые научили меня не просто готовить, а творить. Спасибо критикам и гостям, которые вдохновляют нас становиться лучше каждый день.

Еще одна пауза. Сережа ищет глазами меня в зале.

– И конечно, спасибо моей жене Лизе, которая... которая всегда была рядом, – говорит он, и я чувствую, как сердце сжимается от этого формального упоминания. Всегда была рядом. Как верная собачка.

– Эта премия – не конец пути, а начало новых вершин! – заканчивает он под бурные аплодисменты.

Остаток вечера проходит как в тумане. Поздравления, фотографии, интервью. Я стою рядом с Сережей, улыбаюсь в камеры, отвечаю на вопросы журналистов односложными фразами. Все внимание направлено на него, и это правильно. Это его успех.

Возвращаемся в отель далеко за полночь. Сережа на эмоциях, не может уснуть, ходит по номеру с золотой тарелкой в руках.

– Представляешь, Лиз? – говорит он. – Завтра эта новость будет во всех изданиях мира! Нам уже поступают предложения о сотрудничестве!

– Поздравляю, – говорю я искренне. – Ты заслужил это.

Я просыпаюсь поздно – Сережа уже встал и сидит с ноутбуком, изучает реакцию прессы на вчерашнее событие.

– Смотри! – восторженно говорит он, не отрываясь от экрана. – "Фигаро" посвятил мне целую статью! А вот "Кулинарный мир" пишет о революции в современной гастрономии!

Я подхожу к нему, заглядываю через плечо. Действительно, отзывы восторженные. Фотографии с церемонии, интервью, аналитические статьи о значении его победы.

– Это прекрасно, Сережа, – говорю я. – Теперь весь мир знает, какой ты талантливый.

Но что-то в его лице меня настораживает. Какая-то напряженность, нежелание встретиться со мной взглядом.

– Да, все отлично, – быстро говорит он, закрывая ноутбук. – Может, позавтракаем? А потом погуляем по городу перед вылетом.

Завтракаем в ресторане отеля. Сережа рассказывает о планах на будущее, о новых проектах, которые теперь стали возможными. Я слушаю и радуюсь вместе с ним, но не могу избавиться от ощущения, что он что-то скрывает.

День проходит в прогулках по Парижу. Лувр, Нотр-Дам, кафе на Монмартре. Сережа фотографирует все подряд, постоянно проверяет телефон. Говорит, что поздравления приходят со всего мира.

– Кстати, – говорит он за ужином в маленьком бистро, – завтра вечером, когда прилетим, у нас интервью для "Первого канала". Можешь не участвовать, если устанешь с дороги.

– Почему? – удивляюсь я. – Я буду рядом.

– Конечно, конечно, – быстро кивает он. – Просто подумал, что ты не любишь камеры.

Что-то не так. Интуиция кричит об этом, но я не могу понять, что именно.

В самолете домой Сережа почти все время говорит по телефону или работает с планшетом. Отвечает на поздравления, планирует интервью, обсуждает бизнес-предложения. Я читаю книгу и смотрю в иллюминатор.

– Ты не представляешь, какие возможности перед нами открываются! – говорит он во время ужина на борту. – Предложение открыть ресторан в Нью-Йорке, контракт с издательством о кулинарной книге, собственное телешоу!

– Это невероятно, – говорю я. – Но ты же понимаешь, что это означает?

– Что именно?

– Еще больше работы. Еще меньше времени для нас.

Он берет мою руку.

– Лиз, я понимаю твои опасения. Но поверь мне, это того стоит. Мы обеспечим наше будущее, будущее наших детей.

Наших детей. Вчера под Эйфелевой башней эти слова наполняли меня надеждой. А сегодня почему-то кажутся пустыми.

Домодедово встречает нас серым московским утром. В аэропорту нас ждет толпа журналистов – видимо, кто-то слил информацию о рейсе.

– Сергей Андреевич! – кричат репортеры. – Расскажите о ваших планах!

– Что значит для вас эта победа?

– Планируете ли расширение бизнеса?

Сережа отвечает на вопросы, позирует для фотографий. Я стою рядом, стараюсь улыбаться, но уже чувствую усталость от всего этого внимания.

Наконец мы добираемся до машины. Водитель везет нас домой через весь город, а я смотрю в окно на знакомые улицы и думаю о том, что всего неделю назад я была обычной медсестрой, чьего имени никто не знал. А теперь мое лицо наверняка попадет в завтрашние газеты.

Дома я первым делом принимаю душ и переодеваюсь в домашнюю одежду. Хочется смыть с себя весь этот глянец, вернуться к реальности. Но когда выхожу из ванной, вижу Сережу с мрачным лицом, уткнувшегося в телефон.

– Что случилось? – спрашиваю я.

Глава 15

– Ничего особенного, – быстро отвечает он, убирая телефон. – Просто... некоторые комментарии в интернете. Ты знаешь, как бывает.

– Какие комментарии?

– Да ерунда всякая. Не обращай внимания.

Но я вижу в его глазах тревогу. И что-то подсказывает мне, что эти комментарии касаются меня.

– Сереж, покажи.

– Лиз, не нужно. Это просто завистники...

– Покажи, – повторяю я твердо.

Он вздыхает, снова достает телефон, находит какую-то статью.

– Ну вот, смотри сама. Только не принимай близко к сердцу, хорошо?

Я беру телефон и начинаю читать. Статья называется "Триумф и разочарование: Сергей Белов получает премию, но его жена становится мемом".

Первые строчки еще нормальные – о церемонии, о значимости премии. Но потом...

"Однако внимание публики привлекла не только победа российского шеф-повара, но и его спутница. Жена Белова, медсестра Елизавета, выглядела крайне неуместно на красной дорожке такого уровня..."

Дальше становится только хуже. Я читаю про мою "неуклюжую походку", "натянутую улыбку", "дешевый вид несмотря на дорогой наряд". Читаю, как автор сравнивает меня с женами других знаменитых поваров и делает вывод, что "некоторые мужчины, достигнув успеха, забывают обновить свое окружение".

– Сережа... – шепчу я.

– Лиз, это написал какой-то желтый таблоид! – быстро говорит он. – Не обращай внимания!

Но я уже листаю дальше. Ищу другие упоминания, другие статьи. И нахожу. О боже, как же много я нахожу.

Форум одного из кулинарных сайтов буквально взорван обсуждением моей внешности:

"Видели жену Белова? Караул какой-то!"

"Представляю, как ему стыдно было рядом с ней стоять"

"Прям как деревенская тетка на светском рауте"

"С такими деньгами можно было хотя бы нормального стилиста нанять"

"А может, она специально такой вышла, чтобы показать, какой он простой и скромный?"

"Да нет, просто он еще не созрел для нормальных отношений. Все еще цепляется за прошлое"

Каждое слово как удар ножом. Я продолжаю читать, не могу остановиться, хотя с каждой строчкой становится все больнее.

"Деревенская тетка", "позор", "не пара такому мужчине", "пора бы уже развестись и найти кого-то соответствующего уровню".

– Лиз, прекрати! – Сережа пытается отобрать у меня телефон, но я не даю.

– Нет, – говорю я, и голос звучит странно спокойно. – Я хочу прочитать все. До конца.

Листаю соцсети. Везде одно и то же. Фотографии с красной дорожки, где я действительно выгляжу растерянной и неуместной. Комментарии, один злее другого. Мемы с моим лицом и подписями типа "Когда случайно попала не на тот праздник".

Особенно больно читать комментарии женщин:

"Девочки, ну как можно так запустить себя?"

"Я понимаю, что не все умеют краситься, но это же перебор"

"Бедный Сергей, наверное, так стеснялся"

"Хорошо, что хоть платье нормальное купили, а то и представить страшно"

– Хватит! – Сережа резко забирает у меня телефон. – Лиза, это все ерунда! Зависть чистой воды!

Я сижу на диване и чувствую, как внутри все рассыпается на куски. Все эти люди правы. Я действительно была неуместна рядом с ним. Я действительно выглядела как деревенская родственница, случайно попавшая в высший свет.

– Лиз, посмотри на меня, – Сережа садится рядом, берет мое лицо в ладони. – Мне плевать на этих идиотов. Ты моя жена, я тебя люблю.

– Но они правы, – шепчу я. – Сережа, они все правы.

– Что ты говоришь?

– Я действительно не подхожу тебе. Не подхожу твоему новому статусу. Я просто медсестра из провинции, которая не умеет ходить на каблуках и улыбаться в камеры.

– Лиз, прекрати! – в голосе Сережи звучит отчаяние. – Ты говоришь глупости!

– Глупости? – я встаю с дивана, отстраняюсь от него. – Сережа, ты сам видел эти фотографии. Ты сам знаешь, как я выглядела рядом с тобой.

Он молчит. И это молчание говорит больше любых слов.

– Ты стесняешься меня, – произношу я вслух то, что давно подозревала. – Всегда стеснялся. Просто раньше это не было так заметно.

– Это не так...

– Тогда почему ты предложил мне не участвовать в интервью? Почему все чаще говоришь, что я могу оставаться дома, когда у тебя важные встречи?

Сережа опускает голову. На мгновение в комнате повисает тишина, нарушаемая только тиканьем часов на стене.

– Я не стесняюсь тебя, – говорит он наконец. – Я просто хочу защитить тебя от всего этого. От злых языков, от критики. Ты не привыкла к такому вниманию.

– А может, дело не в защите? – спрашиваю я. – Может, дело в том, что теперь, когда ты добился успеха, я стала обузой?

Сергей

– А может, дело не в защите? – спрашивает с отчаянием в голосе Лиза. – Может, дело в том, что теперь, когда ты добился успеха, я стала обузой?

Ее слова попадают прямо в цель. Потому что где-то глубоко внутри, в самом темном уголке души, я действительно думал об этом. Не обуза – нет, это слишком жестоко. Но... несоответствие. Да, именно так.

– Лиза, что ты говоришь, – бормочу я, но голос звучит неубедительно даже для меня самого.

– Скажи честно, – она встает передо мной, и в ее карих глазах такая боль, что хочется отвернуться. – Когда мы стояли на красной дорожке, ты хотя бы раз подумал о том, как бы выглядел рядом с... ну, не знаю, с какой-нибудь актрисой? Моделью? Светской львицей?

Черт. Она читает меня как открытую книгу. Думал ли я об этом? Конечно, думал. Когда увидел жену французского повара Мишеля – элегантную блондинку, которая двигалась по красной дорожке как по подиуму. Когда заметил, как естественно держится спутница итальянца Джованни, как легко она общается с журналистами.

– Лиз, послушай меня...

– Нет, ты послушай меня! – она уже почти кричит, и это так непохоже на мою тихую, сдержанную жену. – Я видела эти комментарии. Я читала, что пишут люди. И знаешь что самое страшное? Они правы. Я действительно не умею себя вести в твоём новом мире.

– Это можно исправить, – выпаливаю я и тут же понимаю, какую ошибку совершил.

– Исправить? – ее голос становится тише, но в нем появляется что-то пугающее. – То есть ты согласен с тем, что меня нужно исправлять?

– Я имел в виду не то... Лиз, я хотел сказать...

– Что ты хотел сказать, Сережа? – она садится в кресло напротив, и я вижу, как она пытается взять себя в руки. – Что я должна измениться? Стать другой? Более подходящей для твоего имиджа?

Глава 16

Я молчу, потому что не знаю, что ответить. Потому что если честно – очень честно – то иногда меня действительно раздражает ее... простота. Отсутствие амбиций. Нежелание блистать рядом со мной.

Когда я получал премию, когда весь зал аплодировал, когда журналисты задавали вопросы – она стояла в стороне. Тихо, незаметно. И часть меня гордилась тем, что у меня есть такая жена – спокойная пристань в океане безумия. Но другая часть... другая часть хотела, чтобы она сияла рядом со мной. Чтобы люди смотрели на нас и думали: "Вот это пара!"

– Я люблю тебя такой, какая ты есть, – говорю я наконец, и это правда. Это правда, даже если это не вся правда.

Следующие дни я пытаюсь загладить свою вину. Покупаю Лизе цветы, готовлю ее любимые блюда, отменяю несколько встреч, чтобы проводить с ней время. Но между нами повисла стена недосказанности. Она ведет себя вежливо, даже ласково, но я чувствую отстраненность. Словно она уже начала отдаляться от меня.

– У меня появился имиджмейкер, – говорю я за ужином через неделю после возвращения из Парижа.

– Имиджмейкер? – Лиза поднимает голову от тарелки.

– Да. После всей этой истории с комментариями... Мне посоветовали поработать над публичным образом.

– Понятно, – она кивает. – Наверное, это разумно.

Я не говорю ей, что имиджмейкер – это Юлия Морозова. Не говорю, что это женщина. Почему? Сам не знаю. Просто интуитивно чувствую, что сейчас не время для полной откровенности.

– Будут новые фотосессии, интервью, – продолжаю я. – Возможно, придется много ездить по съемкам.

– Конечно, – Лиза даже не смотрит на меня. – Делай что нужно для карьеры.

В ее голосе нет ни капли интереса. И это пугает меня больше любых слез или скандалов.

Юлия появляется в моей жизни как ураган. Энергичная, уверенная в себе, она сразу берет ситуацию под контроль.

– Сергей Андреевич, – говорит она на нашей первой встрече в ресторане, – я изучила всю ситуацию. Понимаю, что произошедшее в Париже было... неприятно. Но мы это исправим.

– Неприятно – мягко сказано, – отвечаю я. – Мою жену растерзали в интернете.

– К сожалению, такова цена славы, – Юлия пожимает плечами. – Но поверьте, мы сделаем так, что через месяц все забудут о Париже и будут говорить только о вашем таланте.

Она открывает ноутбук, показывает презентацию.

– Стратегия следующая: фокусируемся на вас как на профессионале. Интервью только о кулинарии. Фотосессии в ресторане, на кухне – в вашей стихии. Никаких светских мероприятий с супругой в ближайшие полгода.

– То есть?

– То есть работаем над вашим индивидуальным имиджем. Сергей Белов – гений кулинарии, трудяга, человек, посвятивший себя искусству. Пока общественность не переключится на новые темы, лучше держать личную жизнь в тени.

Это звучит разумно. И одновременно как предательство по отношению к Лизе.

– А если меня спросят о жене?

– Стандартные ответы: "Предпочитаю не говорить о личной жизни", "Моя жена поддерживает мою карьеру", "Дома я просто муж, а не знаменитость". Ничего конкретного.

Юлия закрывает ноутбук и смотрит на меня внимательно.

– Сергей Андреевич, я понимаю, что это непросто. Но поверьте моему опыту: через пол-года-год, когда ваш статус укрепитя, можно будет аккуратно вернуть жену в публичное поле. С правильной подготовкой, конечно.

– Подготовкой?

– Стилист, тренинги по работе с прессой, курсы этикета. Из любой женщины можно сделать светскую львицу, было бы желание.

Я думаю о Лизе. О ее категорическом нежелании блистать в свете. О том, как она съезживается от камер.

– А если у нее нет такого желания?

Юля улыбается, и в этой улыбке есть что-то хищное.

– Желание – дело наживное. Многие жены звезд сначала сопротивлялись публичности. А потом втягивались и даже начинали получать удовольствие.

Она встает, протягивает мне руку.

– Доверьтесь мне, Сергей Андреевич. Через год о парижском инциденте не вспомнит никто. А ваше имя будет звучать еще громче.

Я пожимаю ее руку и понимаю, что делаю еще один шаг в сторону от своей прежней жизни. От Лизы.

Вечером дома я рассказываю жене о встрече, тщательно избегая подробностей.

– Как прошла встреча с имиджмейкером? – спрашивает Лиза, даже не поднимая глаз от книги.

– Хорошо, – отвечаю я, развязывая галстук. – Будем работать над восстановлением репутации.

– И что это означает?

Я колеблюсь. Рассказать ей правду о стратегии Юли? О том, что мою жену планируют «держать в тени» ближайшие полгода?

– Больше интервью о работе. Фотосессии в ресторане. Фокус на профессиональных достижениях.

– Понятно, – Лиза переворачивает страницу. – А я буду участвовать?

– Пока... пока лучше не стоит, – я чувствую, как краснею. – Просто дать всему улечься.

Она наконец поднимает на меня взгляд. В ее глазах нет обиды – только какая-то отстраненная грусть.

– Конечно, – говорит она спокойно. – Я понимаю.

И это «я понимаю» ранит больше любых упреков.

Юля работает быстро и эффективно. Уже через две недели у меня запланированы три интервью и фотосессия для «Гастрономического журнала». Она постоянно на связи, звонит, пишет, присылает варианты вопросов для интервью и концепции съемок.

– Сергей Андреевич, – говорит она, ворвавшись в мой кабинет в ресторане, – у меня отличные новости! «Первый канал» приглашает вас на передачу «Доброе утро». Это огромная аудитория!

Она выглядит потрясающе – в строгом сером костюме, с безупречной укладкой, в дорогих туфлях. Рядом с ней я чувствую прилив энергии и уверенности.

Глава 17

– Это замечательно, – говорю я, и она улыбается.

– Вы видите? – Юля садится напротив, закидывает ногу на ногу. – Уже сейчас интерес к вашей персоне растет. А ведь мы только начали!

Она открывает планшет, показывает статистику.

– Посмотрите: упоминания в СМИ выросли на тридцать процентов. Причем негативные комментарии почти исчезли. Люди говорят о вашем таланте, а не о... других вещах.

«Других вещах» – это о Лизе. О том позоре, который она, по мнению интернета, мне устроила.

– А вот это особенно интересно, – Юля наклоняется ближе, и я чувствую ее парфюм. – Количество женщин-подписчиц в ваших соцсетях увеличилось на двадцать процентов. Знаете, что это означает?

– Что?

– Вы стали секс-символом! – смеется она. – Таинственный гений кулинарии, которого мало кто видел в неформальной обстановке. Женщины фантазируют!

Мне льстят ее слова. Дома Лиза почти не замечает меня, а здесь красивая умная женщина говорит, что я секс-символ.

– Не преувеличиваете ли вы? – говорю я, но улыбаюсь.

– Нисколько! – Юля смотрит на меня так, словно я действительно самый привлекательный мужчина на свете. – Сергей Андреевич, вы просто не осознаете своего потенциала. Вы талантливы, красивы, успешны. Женщины сходят с ума от таких мужчин.

Это приятно слышать. Очень приятно. Когда последний раз Лиза говорила мне что-то подобное?

– Кстати, – продолжает Юля, – у нас съемки для журнала в Санкт-Петербурге. Один день, но очень важный материал. Поедете?

– Конечно.

– Отлично! Я забронировала нам номера в «Гранд Отель Европа». Вылетаем утренним рейсом, съемки днем, вечером свободны.

«Нам». Она сказала «нам». И почему-то от этого слова мне становится теплее.

Домой я прихожу поздно. Лиза уже спит, и я не бужу ее. Лежу рядом с ней в темноте и думаю о Юле. О ее энергии, о том, как она смотрит на меня, о том, что рядом с ней я чувствую себя успешным и желанным.

А рядом с Лизой... рядом с Лизой я все чаще чувствую себя виноватым. Виноватым в том, что достиг успеха, которого она не понимает. Виноватым в том, что мой мир стал слишком большим для нашей маленькой любви.

Утром Лиза уже ушла на работу. Оставила записку на кухне: «Доброе утро! Буду поздно, ночная смена. Ужин в холодильнике. Целую».

Даже записки у нее какие-то... серые. Обыденные. А вчера Юля писала мне сообщения: «Сергей Андреевич, вы вчера были просто потрясающе на презентации! Такая харизма, такая уверенность! Приятных снов!»

И это не флирт – это просто профессионализм. Она умеет найти правильные слова, чтобы клиент чувствовал себя на высоте.

День в Питере начинается с фотосессии в одном из ресторанов на Невском. Юля руководит процессом, дает советы фотографу, поправляет мне галстук, следит за каждой деталью.

– Сергей Андреевич, чуть поверните голову влево, – говорит она. – Теперь посмотрите в камеру. Представьте, что рассказываете о своем любимом блюде.

Я смотрю в объектив и действительно представляю.

– Отлично! – кричит фотограф. – Еще несколько кадров!

– У вас все идеально получается, – шепчет мне Юля, подходя поправить воротник рубашки. Ее пальцы слегка касаются моей шеи, и я чувствую легкое возбуждение.

Съемки заканчиваются к вечеру. Мы идем ужинать в ресторан при отеле, обсуждаем прошедший день, планируем дальнейшую работу. Юля рассказывает о своих предыдущих клиентах, о том, как строила их карьеры, и я восхищаюсь ее профессионализмом.

– А как вы попали в эту сферу? – спрашиваю я.

– Случайно, – улыбается она. – Училась на журналиста, работала в редакции глянцевого журнала. А потом поняла, что мне больше нравится не писать о звездах, а делать их.

Она говорит о своей работе с такой страстью, что мне хочется слушать ее часами. Когда последний раз Лиза так горячо рассказывала о чем-то?

– Сергей Андреевич, – говорит Юля, когда мы уже допиваем вино, – можно личный вопрос?

– Конечно.

– Вы счастливы?

Вопрос застаёт меня врасплох. Я молчу, обдумывая ответ.

– Извините, – быстро говорит она. – Не стоило спрашивать.

– Нет, все в порядке, – говорю я. – Просто... сложный вопрос. Я успешен. У меня есть все, о чем мечтал. Но счастлив ли я... не знаю.

Юля кивает понимающе.

– Знаете, что я поняла, работая с публичными людьми? Успех – это не гарантия счастья. Иногда он, наоборот, показывает, чего тебе не хватает.

– А чего мне не хватает? – спрашиваю я, хотя уже догадываюсь о ее ответе.

– Понимания, – говорит она мягко. – Человека, который разделяет ваши амбиции. Который восхищается не только вами, но и вашими достижениями.

Ее слова попадают точно в цель. Лиза любит меня, но она не понимает мой мир. Она не разделяет мои амбиции. Ей все равно, получу ли я еще одну звезду Мишлен или открою ресторан в Нью-Йорке.

– Простите, – говорю я, вставая из-за стола. – Мне нужно позвонить жене.

В номере набираю Лизин телефон.

– Привет, – отвечает она после нескольких гудков. Голос усталый.

– Привет, дорогая. Как дела?

– Нормально. Работаю. А у тебя как съемки?

– Хорошо прошли. Завтра утром вылетаю домой.

– Это замечательно.

Пауза. Нам нечего сказать друг другу.

– Лиз, я скучаю, – говорю я.

– И я тебя скучаю, – отвечает она, но в голосе нет тепла.

После того, как кладу трубку, стою у окна и смотрю на ночной Петербург. На Неву, на мосты, на огни города. И думаю о том, что мы с Лизой живем теперь в разных мирах. Она – в своем мире больницы, ночных смен, чужих детей. А я – в мире успеха, славы, признания.

И не знаю, можно ли эти миры соединить.

В дверь стучат. Открываю – на пороге стоит Юля с бутылкой шампанского.

– Сергей Андреевич, – говорит она, – я тут подумала... Мы ведь так и не отпраздновали сегодняшнюю удачную съемку.

Глава 18

Я колеблюсь секунду. Потом отступаю, пропуская ее в номер.

– Почему бы и нет, – говорю я.

И понимаю, что делаю выбор. Может быть, пока еще не окончательный, но уже очень серьезный.

Юля проходит в номер, и я закрываю за ней дверь. Звук щелчка замка кажется мне оглушительным в тишине.

– У вас здесь красиво, – говорит она, оглядывая интерьер. – А у меня номер гораздо скромнее.

Она ставит шампанское на столик у окна, и я не могу не заметить, как изящно она двигается. Даже после долгого дня съемок выглядит безупречно.

– Давайте открою, – предлагаю я, беря бутылку.

Пробка вылетает с громким хлопком, и Юля смеется – звонко, радостно. Когда последний раз я слышал такой смех дома?

– За успешную съемку, – говорит она, поднимая бокал.

– За профессионализм, – отвечаю я, чокаясь с ней.

Шампанское щекочет горло, и от алкоголя становится легче. Юля садится в кресло у окна, поджимает под себя ноги, и этот жест кажется мне удивительно домашним, непосред

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.